

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН

ОЛДИ

ДАЙТЕ
ИМ УМЕРЕТЬ

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЭКСМО

Генри Лайон Олди

Дайте им умереть

Серия «Кабирский цикл», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134382
Дайте им умереть: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22500-2

Аннотация

Шестое тысячелетие стояло на пороге. Вдруг в одночасье оружием сделалось больно, и оно стало мстить за это людям, взрываясь у них в руках. Почему? Может быть, об этом знает ржавый меч, лежащий под стеклом в музее и помнящий те времена, когда на бескрайних Дурбанских равнинах темные силуэты всадников сшибались с оглушительным лязгом, криками и ржанием...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	16
Глава вторая	30
Глава третья	42
Глава четвертая	55
Глава пятая	72
Глава шестая	81
Глава седьмая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Генри Лайон Олди

Дайте им умереть

*Холодный апрель, горячие сны,
И каждый на треть – патрон.
Иди и смотри, как ядерный принц
Несет свою плоть на трон.*

А. Башлачев

Пролог

Липкие струйки пота с омерзительной неспешностью ползли по спине, образуя темное пятно в области крестца, как раз над тонким кожаным ремешком; и когда рычание короткой автоматной очереди вспоролло полдень над автострадой Дурбан – Кабир...

Пальцы Карена сами собой нащупали холодное тело «гюры-38» в наплечной кобуре, и первым сознательным ощущением было удивление: металл почему-то совсем не нагрелся от солнца и тепла человеческого тела. Прикосновение к оружию успокаивало, как всегда, одновременно вызывая странную гадливость – словно под руку ни с того ни с сего попался хитиновый панцирь жука-кусаля, готового вцепиться жвалами в ладонь или рвануться прочь.

«Нервы, – подумалось Карену. – Тут портовые тросы нужны, а не нервы...»

Он врал сам себе.

Он знал, что дело не в нервах.

Вернее, не только в нервах.

Из-за соседней машины неуклюже высунулся толстяк Фаршедвард Али-бей, хайль-баши¹ дурбанской полиции, раздул волосатые ноздри, простудно засопел и через мгновение уполз обратно. Безобидность этой горы жира, казалось, едва справляющейся с простейшими приказами желеподобного мозга, была одной из козырных карт лихого хайль-баши: в свое время, когда пыхтящий Фаршедвард вразвалочку объявлялся на борцовском ковре, где сходились борцы-нарачи в схватке гигантов, соперник помимо воли расслаблялся и усмешливо косился на ассистентов. Зря, конечно... Да и сейчас, видя вползающую в спортивный зал тушу, все местные мушерифы² знали: в участке объявился новенький, и сейчас этот новенький будет втихомолку посмеиваться... некоторое время. Потом перестанет. А господин Али-бей попыхтит еще немного, невинно глядя на раскинувшееся перед ним тело, и уйдет в кабинет.

Карен был новеньким в Дурбане. И при этом достаточно стареньким, чтобы знать все, что следует, о Фаршедварде Али-бее по прозвищу Тот-еще-Фарш.

¹ **Хайль-баши** – командир хайля, т. е. тысячи; полковник.

² **Мушериф** – сотрудник полиции.

Убрав руку с пистолета, он оглянулся: ровное полукольцо машин за спиной, пятнистые каски, затянутые маскировочной сетью, блики на оптических прицелах и десятка полтора черных зрачков, готовых в любую секунду заплевать смертью пол-автострады. Гургасары-спецназовцы, «волчьи дети», элита внутренних войск. Совершенно никчемушная сейчас, когда речь идет не о смерти, а о жизни, о сорока двух заложниках в рейсовом автобусе, сорока двух обывателях, задыхающихся от страха и от приближения той минуты, когда их продолжат расстреливать для весомости аргумента.

Всего минуту назад заложников было сорок три.

Карен прикусил губу – привычка, оставшаяся с детства, – и еще раз оглядел захваченный автобус. Дверь рядом с водителем неспешно открылась, сложившись гармошкой, и наружу грубо вытолкнули подростка лет пятнадцати, прыщавого дылду в цветастой маечке и модных шароварах с резинками на щиколотках. Серьга в левом ухе подростка раскачивалась, ловя солнечные зайчики. Следом выбрался плечистый коротыш и лениво опустился на ступеньку, положив автомат поперек колен. На рябом лице коротыша отражались скука и равнодушие. Ко всему, даже к собственной судьбе. Исполнитель. Наверняка бывший наемник, убийца-профессионал, давно переставший испытывать что-либо, нажимая спусковой крючок; он и умрет так же скучно, не моргнув глазом, не торопя и не отдаляя приход небытия. Конечно, если тебя после приговора везут в Дасткар-Зах, в камеры смертников,

то сонным охранникам стоит быть повнимательнее, чтобы четверо приговоренных не оказались на свободе. Ничего нет опаснее крысы, загнанной в угол. Коты это знают. В отличие от многих мушкетеров, чьи семьи теперь могут утешаться лишь пенсией погибшего кормильца.

Подросток что-то испуганно сказал коротышу, и тот в ответ только плюнул. Довольно умело, надо заметить: комок слюны угодил заложнику точно в промежность. Юнец скорчился, как от подлого удара, после чего торопливо заковылял прочь от автобуса, потешно перебирая стреноженными ногами. Руки подростка были свободны, но он даже не попытался развязать или ослабить путы, протянувшиеся от одного колена к другому, – так и брел, спотыкаясь, от автобуса к полицейским машинам... И когда добрел до опрокинутого навзничь женского тела, как раз на полпути к жизни, наглый рык автоматной очереди снова заставил дребезжать стекла машин, а холодный жук «гюрзы» опять ткнулся в ладонь Карена.

«Мама-а-а!» – отдаленным эхом прозвучало в мозгу. Карен знал, что кричит не подросток, потому что убитые наповал не кричат и еще потому, что вот уже пятый месяц он просыпался от этого крика в смятых простынях, захлебываясь душным воздухом и болью.

«Мама-а-а... не надо, мама!.. Пожалуйста...»

И глумливый смех трясущегося в припадке оружия.

Вне сомнения, каждый из гургасаров мог в любую секун-

ду всадить свинцовый желудь скучающему коротышу куда угодно, на выбор. И Карен понимал: хайль-баши Али-бей больше всего на свете боится именно этого. Он представил себе: тросы-нервы одного из снайперов лопаются с коротким щелчком, плечистый убийца сползает со ступеней в пыль, в автобусных окнах возникают лица... увы, отнюдь не спасенных заложников, а двоих дружков коротыша, и невидимый снаружи третий (да, теперь, после шального выстрела он будет именно третьим, а не четвертым из бежавших смертников!) лезет в тяжелую сумку и выдергивает чеку из связки гранат.

Никто не знал, откуда у беглецов взялись гранаты. Но факт их наличия был зримо подтвержден час назад: вон, корявая воронка на обочине до сих пор мозолит глаза, зар-ра-за...

Фаршедвард Али-бей еще раз высунулся из-за машины, и Карен увидел переговорное устройство в монументальной лапе хайль-баши. Нечленораздельно рявкнув в резонирующую мембрану, Али-бей поманил пальцем Карена к себе. Карен даже вздрогнул от ознобного счастья: что-то делать, двигаться, шевелиться, пробираться между машинами, а не сидеть сиднем, глядя, как по ступенькам мимо коротыша уже спускается подталкиваемая в спину старуха, – о, Творец, как мало человеку надо для счастья, особенно если я не знаю: кощунствую сейчас или просто схожу с ума!

Мама-а-а!..

Зимняя слякоть, дождь наискось хлещет по кабирскому переулку, по одному из многих переулков бывшей столицы, и морщинистая женщина у ворот их дома не откликается на сыновний крик. В маминых руках, сохлых, как мертвое дерево, бьется серебряная рыба, пытаюсь выплюнуть рвущий губу крючок, спусковой крючок, и остроредрая чешуя с треском разлетается вокруг, пятная соседей черной слизью: валится навзничь тетка Фатма, уползает к подъезду беззвучно воющий лавочник Низам, удивленно смотрит на окровавленное предплечье четырехлетний мальчишка, внук лучшей маминной подруги, – боль еще не пришла, и в круглых глазах ребенка пока лишь один интерес, от которого хочется разбить голову о ствол чинары или бежать быстрее, но ты не можешь, не можешь, не можешь...

– Мама-а-а!..

Рыба в руках матери лопается, огненные потроха клубятся, вспухают слепящим шаром, и вскоре только дождь стучит по переулку да еще к лавочнику Низаму возвращается голос, и он еле слышно скулит, хотя от простреленной лодыжки еще никто не умирал, а тетка Фатма с изумлением уставилась в небесную рвань тремя черными глазами, и рядом лежит теткин любимый кот с развороченным брюхом.

– Мама...

На похоронах матери к Карену подошел седой человек, похожий на птицу. После затасканных до дыр слов собо-

лезнования он предложил Карену назавтра зайти в большое серое здание на углу улицы Ас-Самак и подняться на третий этаж. Недавно вышедший в отставку Карен знал, что на встречу в сером здании по адресу Ас-Самак, 4/6 приходят в любом случае.

Даже если у тебя только что умерла мать, предварительно решив перестрелять ближайших соседей из хранившегося дома табельного оружия.

Они долго говорили, висак-баши³ Карен Рудаби и седой человек, похожий на птицу; к концу их разговора Карен знал все, что ему было дозволено знать об эпидемиях, проходивших по документам под названиями «Спи, сынок» и «Прокказа «Самострел».

А еще через три месяца Карену вручили офицерскую бляху мушериф-эмира⁴ и перевели в Дурбан.

– Тут сиди, – жарко выдохнул Тот-еще-Фарш Карену прямо в ухо и с подкупающей прямоотой добавил: – Ты не местный, я тебе не верю. Дернешься невпопад...

Сперва Карен не понял. Впрочем, обидеться ему даже не пришлось в голову, а задавать вопросы прямолинейному (когда Али-бей этого хотел) хайль-баши помешали две вещи: въевшееся в костный мозг чувство субординации и стрекот приближающегося со стороны города вертолета. Иблисов ко-

³ **Висак-баши** – командир сотни; лейтенант.

⁴ **Мушериф-эмир** – офицер полиции.

рень, как глупо, глупо и стыдно все получается! Неужели условия смертников будут приняты?! Вертолет, два миллиона динаров золотом и трое заложников в кабине, пока «стрекоза» с беглецами не пересечет границу с Малым Хакасом. Карен ни минуты не сомневался, что в ту же секунду заложники будут честно отпущены – вниз головой, из рубящей воздух лопастями «стрекозы», как раз на острые хребты тамошних скал.

Вертолет опустил в полусотне шагов от машин, винт начал замедлять обороты, и вскоре из кабины выпрыгнуло на землю маленькое существо, издали ужасно похожее на древесного палочника-переростка. Существо поковырялось пальцем сперва в левом ухе, потом в правом и, продолжая ковыряться, прыгающим шагом направилось к машине Алибея.

Карен даже зажмурился от изумления.

Девочка. Тощая нескладная девочка лет двенадцати, насквозь прокопченная неистовым дурбанским солнцем, длинноногая и черноглазая, несмотря на жару кутающаяся в тяжелую шаль с бахромой.

Некрасивая, и красивой никогда не будет.

Это была именно та девочка, которую Карен совершенно не ожидал увидеть здесь и сейчас.

– Зачем?! – непроизвольно вырвалось у Карена, и почти сразу он поправился: – Зачем она здесь, господин хайль-баши?

– В свое время я забыл уведомить вас, висак-баши: ее зовут Сколопендра, – хрипло буркнул Тот-еще-Фарш, и Карен решил, что хайль-баши над ним издевается.

Не исключено, что так оно и было.

Девочка скоренько прошмыгнула мимо гургасаров – снайперы так и не шевельнулись, грея щеками ложи винтовок, и Карен мимоходом позавидовал выучке «волчьих детей», – после чего приблизилась к машине хайль-баши.

– Здравствуй, Сколопендра, – тихо прогудел Фаршедвард каким-то удивительным тоном, чуть ли не извиняющимся.

Девочка не ответила.

Стояла, куталась в шаль, смотрела на бетон дороги, на носки собственных туфель.

Носом шмыгала.

Карену показалось, что он присутствует при съемках нелепого, невозможного фильма – настолько по-идиотски выглядело все это: автобус с заложниками и беглыми смертниками, недвижимые гургасары, огромный Али-бей и сумасшедшая девчонка, прилетевшая на вертолете.

По-прежнему не произнеся ни слова, девочка вдруг развернулась всем телом и тем же птичьим шагом засеменила прочь от машины.

К автобусу.

Трупы расстрелянных женщины, подростка и старухи она миновала равнодушно, не задержавшись даже на секунду, словно каждый Божий день сталкивалась нос к носу с покой-

никами, умершими насильственной смертью. Карену доставило чуть ли не садистское удовольствие лицезреть выражение небритой физиономии коротыша, когда тот увидел идущую к нему Сколопендру и понял, что это не галлюцинация.

Более того, в приоткрытом до половины окне, точь-в-точь как в видении Карена, объявилась усатая физиономия другого смертника, а рядом с ним над резиновым бортиком автобусной рамы всплыла бритая до синевы макушка, задержалась на миг и приподнялась еще чуть-чуть, явив намек на лоб и один заплывший глаз.

«На полу сидит, – догадался Карен. – Этот, который с гранатами... гляди-ка – снайперы, а тоже не утерпел, паскуда, высунулся!»

Последний из беглецов с наглостью человека, которому нечего терять, встал в дверях, прямо над коротышом, и демонстративно сложил татуированные руки на карабине, висевшем поперек груди.

Девочка остановилась, не дойдя до автобуса каких-то десяти-пятнадцати шагов, и плотнее закуталась в шаль.

Не говоря ни слова, коротыш-палач полез в карман отобранных у кого-то из заложников брюк (дорогих, с отглаженными складками) и достал мелкую монету. Покидал с ладони на ладонь, сплюнул в пыль и мгновенным движением швырнул монету девчонке. Напарник с карабином громко расхохотался – наверное, с его точки зрения, это и впрямь выглядело смешно; медный кругляш завис в воздухе рядом со Ско-

лопендрой. Карен почувствовал на своем плече непомерную тяжесть Фаршедвардовой лапищи и только потом понял, что был готов сломя голову кинуться к автобусу, забыв обо всем на свете; шаль слетела с плеч девчонки, и две тонкие руки метнулись к монетке.

Не дотянулись.

Сухими веточками задержались, затрепыхались в воздухе: туда-обратно, от кожаной перевязи, крест-накрест охватывающей туловище, к медленно падающему на землю медяку; ломкое, ненадежное кружево...

И косым веером вспорхнула с полудетских ладоней стая маленьких ножей, совсем не страшных, легких, как осенние листья, как узорчатые снежинки на перевале Фурраш, как тихая смерть на пахнувшей лекарствами постели в кругу родных и близких.

Палачи не заслуживают такой смерти.

Боком пополз со ступеней коротыш, булькая трижды вспоротым горлом, почти сразу же рухнул на него сверху приятель с карабином, жутко смеясь во всю глотку, словно пытаясь хохотом вытолкнуть проглоченный клинок; исчезло перечеркнутое стальными птицами лицо усача из автобусного окна, а бритая макушка внезапно взметнулась вверх сорвавшимся бильярдным шаром, и дико смотрели из-под низкого лба две костяные рукояти, прочно утонувшие в человеческих глазницах.

Девочка постояла еще немного, бессмысленно оглаживая

перевязь с парой оставшихся ножей, и медленно подошла к автомату, который только что выронил убитый коротыш.

Постояла над оружием.

Повернулась к нему спиной.

После чего бесстыдно задрала подол ветхого платица, присела и помочилась на короткоствольное дитя стали и пластика.

Подобрала монету, закуталась в шаль и, подпрыгивая, направилась к автобусу – собирать улетевших птенцов.

*Нас больше нет. Остался только холод. Земля
кусается. И камень жжжет.*

И. Эренбург

Глава первая

Хабиб⁵

*Тень от ствола клеймит висок,
как вечности печать.
Я слышу голос – это Бог
идет меня встречать⁶.*

Контуры хмурого скуластого лица на фотографии поплыли, смазались, как бывало всегда при установлении контакта; пьяный ретушер бросил поверх изображения сеть паутины, лицо надвинулось, мелькнула совсем рядом ломкая ниточка шрама под левым глазом, кокетливо оттененная гляncем снимка, – и в следующее мгновение Кададь был уже ВНУТРИ. На доктора мгновенно обрушилась паническая волна страха, той самой разъедавшей внутренности кислоты, которую человек с фотографии тщательно прятал под маской показного благополучия, заставляя себя вести деловые переговоры, неискренне смеяться, давать интервью, флиртовать с женщинами, время от времени затаскивая то одну, то дру-

⁵ Хабиб – лекарь.

⁶ Все эпиграфы (кроме эпиграфов к книгам, где указаны фамилии авторов) принадлежат Ниру Бобовой, двенадцатилетней девочке по прозвищу Сколопендра.

гую к себе в постель (впрочем, женщины его круга обычно не имели ничего против, до ломаного дирхема зная цену каждому оргазму).

Но за внешней мишурой надменно стоял Их Превосходительство Страх, стоял и ухмылялся, скрестив на груди когтистые лапы. Животный, дикий страх, ледяющий душу ужас, щемящая тоска предчувствия – и по ночам человек вскакивал весь в поту, чувствуя виском беспощадный холод ствола, вжимающегося все сильнее в податливую кожу; щелчок взводимого курка погребальным колоколом отдавался в пылающем мозгу, и на какое-то мгновение возникало чувство странного облегчения, а потом... Ужас овладевает тобой с новой силой, но поздно: боек ударяет по латунному капсюлю, бесшумно – пока еще бесшумно – вспыхивает, дождавшись звездного часа, порох внутри аккуратного цилиндрика гильзы, и неумолимая свинцовая оса в оболочке из нержавеющей стали начинает короткое плавное скольжение по нарезам ствола. Ничего нельзя изменить, неизбежность финала извивается между долями секунд, но последние крохи последнего времени имеют привычку тянуться безумно долго, превращаясь в недели, месяцы, годы, и твоя восковая рука коченеет в отчаянной и безнадежной попытке совершить невозможное: успеть отвести от виска смертоносный ствол, пока пуля еще скользит по нарезам, пока...

Поздно!

Височная впадина лопается под напором – и содержимое

твоего черепа, венец сотен веков эволюции, склизкими ошметками выплескивается на свободу.

Что означает: на стену, на колени, на полированную поверхность письменного стола...

Потом – темнота.

Этот навязчивый, повторяющийся кошмар превратил его ежедневное существование в постоянную пытку, каждая ночь грозила стать шагом в пропасть, когда, не в силах больше сопротивляться, он наконец приставит к голове равнодушную сталь и взведет курок.

Равнодушную?

Ждущую?

Или долгожданную?

Человек со снимка вздрогнул, словно звериным нюхом учуяв присутствие чужака в своем мозгу, присутствие мыслящей пули в оболочке из нержавеющей воли, но тревога исчезла, забила в щель, а вместе с ней начал тускнеть, уходя в небытие, и проклятый кошмар. Человек задышал ровнее, искаженные страданием черты постепенно разгладились, и когда милосердный сон принял мученика в свои объятия, на скуластом лице застыло облегченное умиротворение.

Страх отступил.

Доктор Кададь искренне надеялся, что на этот раз – навсегда.

Кададь в изнеможении откинулся на спинку глубокого мягкого кресла и позволил векам сомкнуться. Некоторое время он лежал совершенно неподвижно, расслабившись и мало-помалу приходя в себя. Потом медленно поднял руки к вискам и начал массировать привычные точки, переливая в пальцы адскую боль, взламывающую череп изнутри.

Так бывало всегда после контакта, но сегодня боль казалась особенно сильной. Доктор знал, на что идет, знал всякий раз, беря в руки очередную фотографию, и все его существо противилось предстоящей пытке с первобытной силой, но Кададь неизменно спрашивал себя: «Если не я – то кто?» В конце концов, ему за это платили, и платили, будем честными, немало. Только из-за денег доктор, пожалуй, не стал бы терпеть жуткие остаточные боли, наверняка забравшие не один месяц ЕГО СОБСТВЕННОЙ жизни... хотя – кто знает? Сейчас он рассуждает как хорошо обеспеченный человек, каковым и является, а случись ему вдруг потерять все?..

Увы, господа мои, это прискорбно и немножко стыдно, но к комфорту привыкаешь гораздо быстрее, чем к нищете!

Голова уже не раскалывалась, но до сих пор гудела, будто после изрядной попойки, и Кададь ласкал виски умелыми пальцами, вяло ловя за скользкий хвост змейки возни-

кавших в оттаивавшем мозгу мыслей.

Наверное, это напоминало вид ночного города с высоты птичьего полета: обилие огней, раздражающе ярких, болезненных, но вот они постепенно начинают гаснуть один за другим, и мягкое облако тьмы окутывает город-сознание до следующего вечера.

Точки на висках... мягкие впадинки, трепетно-чуткие ямочки. Они находятся как раз на траектории пули, которую с облегчением пускаешь себе в голову!.. Нет, это не его мысль! Это отголоски мании человека, излеченного полчаса назад. Излеченного – и только?! Не скромничай, дружище Кададь, – ты спас баловня судьбы, чью жизнь отягощал разве что некрасивый шрам под глазом, от смерти! Спас ничуть не менее верно, как если бы вытащил скуластого из огня или из кlyкков разъяренного чауша! Еще день-два, от силы неделя – и чьи-то замечательные мозги замечательно расплескались бы по стене чьей-то замечательной спальни...

Хватит! Кончено! Я сделал свою работу, человек будет жить, достоин он этого или нет, и хватит рефлексировать! Это был не мой кошмар, не мой!!!

Да, конечно...

Доктор понемногу успокаивался – нехарактерная вспышка гнева удивила его самого, – головная боль послушно засыпала до нового срока, и к Кададю постепенно возвращалась способность к аналитическому мышлению.

Конечно, ужасный демон суицида покинет скуластого, как

не раз бежал с поля боя чешуекрылый легион фобий и маний, необузданных страстей, физиологической потребности в опиуме, героине или банальном алкоголе. От племени вечно голодных мучителей Кадаля вот уже несколько лет успешно избавлял своих пациентов, в большинстве случаев даже без их ведома. Но... глубинная язва беспокойства источала ледяной яд, каплю за каплей, напоминая с усмешкой Их Превосходительство Страх: пропасть самоубийства, вдавливающийся в висок ствол, жало металлической осы, с раздраженным гудением покидающей свое гнездо...

Все совпадало в точности, вплоть до деталей!

Он уже видел подобный кошмар. Причем не единожды. Сегодняшний пациент был, кажется, четвертым за последний год.

Или пятым?

Этого доктор вспомнить так и не смог.

Он взглянул на старинные настенные часы – антиквариат, подарок щедрого ар-Рави, с массивными бронзовыми стрелками, в строгом футляре черного дерева.

Половина первого ночи.

Добрый доктор, пора спать.

А как же?... Нет, завтра, завтра. Все завтра.

Впрочем, уже сегодня.

Тем более – спать.

Солнечный луч осторожно тронул спящего за плечо, скользнул выше, с трудом продрался сквозь жесткую поросль сизой щеки и попытался заглянуть под неплотно прикрытое веко. Человек заворочался, отмахнулся от луча, как от надоедливой мухи, но тот все не отставал, все копошился, согревая щеку ненадежным теплом и заставляя плясать попавшие в него пылинки. В конце концов человек приоткрыл левый глаз, тут же зажмурился и отодвинулся в тень тяжелого шелкового полога. После чего, к своему сожалению, проснулся окончательно.

– Без четверти одиннадцать, – пробормотал вслух доктор Кададь, чувствуя в глотке ласку ржавого рашпиля. – Самое время начать новую жизнь... или покончить со старой.

Пышущий зноем день, один из многих дней Западной Хины, уверенно вступал в свои права, и доктор, с трудом поднявшись, проковылял к окну и включил негромко зажужжавший кондиционер. После чего, дойдя до ванной, тщательно умылся и накинул поверх влажного тела тонкий, серебристый с чернью халат кабирской работы и проследовал в столовую.

Завтрак уже ждал его – бдительная прислуга, нутром почуяв пробуждение господина, времени даром не теряла. Прополаскивая горло ароматным кофе и поглощая одну за дру-

гой любимые сырные трубочки по-лоулезски, доктор Кададь просматривал утреннюю газету «Вы должны узнать это сейчас!» – как обычно. Несмотря на претенциозное и малость длинноватое название, газета исправно сообщала хинцам свежайшие новости, а верить ей можно было процентов на семьдесят – согласитесь, для газеты это немало!

«Ну вот, очередное самоубийство! – горестно вздохнул Кададь, по привычке начавший с колонки происшествий. – Всего тридцать два года... мой ровесник. И не нашел ничего лучшего, чем разнести себе череп выстрелом из револьвера «масуд» сорок пятого калибра, предварительно забив ствол песком! Голова вдребезги, револьвер, естественно, тоже... Интересно, а ЕГО преследовал такой же кошмар?»

Доктор сам изумился подобной мысли – и следом мгновенно нахлынули переживания прошедшей ночи. Вкус кофе и трубочек с сыром был испорчен, день, похоже, тоже – однако на этот раз Кададь не дал эмоциям захлестнуть себя. С некоторым усилием ему удалось абстрагироваться от раздражающих видений и принудить сознание расставить домислы с догадками строго по ранжиру.

Совершенно разных людей преследуют совпадающие вплоть до мелочей кошмары, толкающие несчастных к самоубийству. Причем одним и тем же способом: приставить ствол к виску и спустить курок.

Эпидемия идентичных маний?

Социошизофрения?

Это было невероятно, но факт – доктор сам неоднократно присутствовал в кошмарах несчастных. Только он не встречал там ничего, говорившего о желании предварительно забить ствол пригоршней песка. До последнего дня он подсознательно запрещал себе думать об этом, сопоставлять, сравнивать; он возвел стену между собой и не собой, став пленником собственной отстраненности.

«...Из револьвера «масуд» сорок пятого калибра, предварительно забив ствол песком...»

Вирус-мутант суицидальных наклонностей? Любой ученый-психолог или врач-психиатр поднял бы его на смех за подобное предположение, но с некоторого времени доктору Кадалю очень редкие вещи могли бы показаться невероятными.

С того самого времени, как маленький Кадаль, тогда еще никакой не доктор, а обычный ученик пятого класса одной из средних (и весьма средних!) хинских школ, обнаружил, что он не такой, как все.

Кадаль сидел дома и переживал. Сегодня они с его лучшим другом Рашидиком разгромили булыжниками два окна в кабинете физики. Вредный физик позавчера вклеил двойки по контрольной почти всему их классу – и компания вихрастых героев поклялась в страшной мести подлому уроду. Но, когда дошло до дела, штатные хулиганы технично испарились, и под окнами кабинета остались только Кадаль с Ра-

шидиком (не попавшие, кстати, в число двоечников, зато, увы, попавшие в шайку мстителей!). Бить окна было боязно, но Кададь решительно заявил, что нельзя упускать такой прекрасный шанс утереть нос записным храбрецам, – и вот уже два увесистых камня взмывают вверх, с оглушительным звоном сыплются на асфальт сверкающие острые осколки, а друзья улепетывают со всех ног, и сердце суматошно прыгает в груди. Кажется, все обошлось, никто их не видел...

И тут, прежде чем свернуть за спасительный угол и перейти на безмятежно-неторопливый шаг, Кададь в последний раз оборачивается и успевает заметить в окне дома напротив конопатую физиономию известного стукача Салмана ан-Машури.

Теперь Кададь сидел дома, а невыученные математика и чеканные бейты⁷ аль-Мутанабби никак не лезли в голову. Тупо глядя на прошлогоднюю фотографию их класса, которая висела на стене в рамочке, он мог думать лишь о подкрадывающемся завтра, о неминуемом разоблачении и столь же неминуемом наказании. Мама небось опять будет плакать, а папаша, хлебнув пивка, расстегнет армейский ремень... «Творец, клянусь, я буду самым хорошим мальчиком в Хине, только сотвори чудо: пусть Салман-ябеда обо всем забудет или хотя бы побоится рассказывать... нет, лучше пусть забудет!» Кададь нашел на фотографии ненавистную конопатую рожу и, сам не сознавая этого, твердил, как заклина-

⁷ Бейты – двустишия.

ние, как молитву, как единственные в мире слова: «Забудь! Забудь! Забудь!...»

А потом случилось непонятное. Кададь находился как бы по-прежнему в своей комнате, но одновременно где-то еще, и тот, кто был «где-то», был уже не совсем Кададь, вернее, даже совсем не Кададь, а испуганный мальчишка находился внутри того, другого, как дитя ворочается в глубине материнского чрева, будучи чужим и своим сразу, – и тот, другой, вдруг забыл что-то очень важное; он изо всех сил пытался вспомнить, но не мог и расплакался от обиды и бессилия, размазывая слезы по веснушчатым щекам... Впрочем, трясушийся, как в припадке, Кададь уже снова сидел за своим столом, дома, и только дома, – и у него очень сильно болела голова.

Салман-ябеда ничего не сказал учителю.

И Кададь, морщась от затаившейся в норах мозга головной боли, понимал: свершилось! Чудо, о котором он молил Творца, действительно произошло вчера, когда, глядя на фотографию Салмана ан-Машури, он твердил: «Забудь!»

Салман забыл!

Более того, никто и никогда не выслушивал с тех пор доносов от конопатого Салмана.

Еще раз испытать нечто подобное Кададь решился только через полгода. Снова у него страшно болела голова, зато мама перестала плакать по ночам в подушку, потому что отец наконец вышел из двухнедельного запоя. Как потом вы-

яснилось, в тот день он бросил пить раз и навсегда.

И складские грузчики очень скоро перестали биться об заклад: когда же все-таки Рябой Ганаим не выдержит и возьмет предложенную бутылку пива?!

А маленький Кадаль, наверное, уже тогда понял значение недетского слова «судьба».

Поступить иначе означало обмануть Творца, схватить подарок и забиться в угол, не поделившись с остальными.

Факультет психологии Государственного университета фарр-ла-Кабир не дал ответа на вопросы Кадаля, но кое-что ему все-таки удалось выяснить. Не будучи чудотворцем, он мог довольно многое: лечить различного рода мании и фобии, избавлять шизофреников от навязчивых кошмаров, топить в забвении угнетавшие их комплексы. Он спасал жизнь, казалось бы, безнадежным наркоманам и алкоголикам, постепенно это давалось ему гораздо меньшими силами, так что выкладываться полностью приходилось лишь в наиболее тяжелых случаях.

Как при лечении тихого внука хинского шахрадар⁸, нежной души человека, любившего чайные розы и пейзажи работы мастеров прошлого столетия, а также обожавшего гулять по ночам с большим разделочным ножом и размышлять про себя: пройдет ли мучившее его томление, если попытаться отрезать палец-другой вон у той девицы легкого поведения?

⁸ Шахрадар – мэтр.

Но все это Кададь по-прежнему мог проделывать, лишь глядя на фотографию своего пациента, входя через нее, как через некие ворота, в сознание больного и промывая застарелые язвы невидимой водой, – Кададь и сам толком не понимал, что именно он делает, но неудачные попытки можно было пересчитать по пальцам одной руки, в то время как число исцеленных перевалило уже за шестой десяток.

Личный контакт или работа с портретом не давали результата.

Только фотографии.

Кададь уже давно собирался поэкспериментировать с кино– или видеоизображениями, но все не доходили руки, да и нужды особой пока не было.

Поначалу Кададь работал бесплатно или за чисто символическое вознаграждение – ему было просто интересно входить в чужие тайники, выбрасывать прочь гниющий мусор, пытаться понять механизм воздействия на психику больного. Да и сознавать, что спас человека, официально признанного неизлечимым, тоже было приятно. Иногда Кадаля – теперь уже ДОКТОРА Кадаля – начинали терзать сомнения: имеет ли он право вторгаться в святая святых – человеческую душу? Дозволено ли ему менять что бы то ни было в личности своих пациентов, изменяя тем самым и саму личность? Ведь даже избавляя больного от губельного пристрастия или подавляя мрачный кошмар, он тем самым убива-

ет частичку чужой души. Пусть больную, завшивленную частичку – но все же... Давно известно, что Творец создает, а Иблис-Противоречащий переделывает; кому служит дар, пришедший из ниоткуда и перевернувший жизнь слабого человека?

Доктор Кададь так и не избавился от подобных сомнений. Но когда он видел возвращающихся к жизни людей, до того одной ногой стоявших в могиле, он понимал, что иначе не может. Он в силах только стараться не переступить ту невидимую черту, за которой заканчивается лечение и начинается насильственное вмешательство в чужую психику.

Черту, отделяющую скальпель хирурга от разделочного ножа внука хинского шахрадара.

Глава вторая

Азат⁹

*Старые долги,
новые враги,
все прошло,
закончилось быстро так,
что не стать своим
ни тебе, ни им.
Не суметь, не дойти
и не выстрадать.*

– Я вижу, вы изрядно повоевали, висак-баши?

– Так точно, атабек¹⁰!

Пожалуй, Карен вел себя излишне вызывающе, проигнорировав предложенное кресло и подчеркнуто соблюдая букву устава, но этот жирный великан раздражал его с самого начала. Вопросами, ответы на которые были скрупулезно выписаны в лежащем перед хайль-баши личном деле Карена Рудаби, только что переведенного из Кабира в Дурбан; дурацкой манерой всякий раз вздымать реденькие бровки после услышанного, отчего складчатая физиономия Фаршед-

⁹ Азат – солдат.

¹⁰ **Атабек** – в данном случае дословно «отец-господин», почтительное обращение к старшему по званию, должности или возрасту; аналогично «сэр».

варда Али-бея становилась до противности недоверчивой, как у черепахи, разглядывающей похожий на личинку камешек; шумным сопением и запахом вспотевшего тела, вызывавшим в памяти ароматы зверинца; ну никак не нравился новому мушерифу господин Али-бей, да и вообще сегодня настроение Карена было не из лучших.

– Где имели честь служить?

– В Малом Хакасе, атабек, последние четыре года!

– Внутренние войска? Дорожники?

– «Белые змеи», атабек. Горные егеря.

Брови Али-бея забрались под самую верхнюю складку его лба, где и принялись раздумчиво ползать двумя тутовыми гусеницами.

– И до сих пор всего лишь висак-баши? Интересно, интересно... в связи с чем вам было отказано в повышении? Пьянство? Неуживчивость? Склонность к личному мнению?

Карену надоел этот спектакль. Он сделал несколько шагов, мешком плюхнулся в кресло и приветливо улыбнулся глыбе хайль-баши.

– В связи с рукоприкладством, атабек. Избил непосредственного начальника, курбаши¹¹ Пероза. Нанес телесные повреждения средней и высшей степени при некоторых смягчающих и некоторых отягчающих обстоятельствах. Да вы читайте, читайте, там ведь все написано...

Увлечшись бравадой, Карен пропустил тот момент, когда

¹¹ **Курбаши** – командир «двойной сотни», капитан.

Фаршедвард Али-бей перестал сидеть за столом и очутился рядом с его креслом. Ощущение было непередаваемым: нечто похожее бывший горный егерь испытал лишь в детстве, когда мама повела его в знаменитый кабирский зоопарк, отвлеклась, обсуждая с подругами способы засолки синих баклажанов, а непоседливое чадо умудрилось забраться в павильон к носорогу-горбачу. По счастью, гора морщинистой плоти не обратила на суетящуюся рядом кроху никакого внимания, разве что хрюкнула недовольно и лениво повела страшным рогом, а Карен вопил благим матом и пытался уцепиться за решетку и носорожий куцый хвост, когда его извлекали из павильона.

– Там написано ровно столько, господин висак-баши, сколько мне заблагорассудится прочитать, – хрюкнул Али-бей раза в полтора внушительней носорога. – Обо всем остальном я буду расспрашивать вас, сколько захочу и когда захочу, даже если для этого мне придется вынимать вас из постели трижды за ночь, всякий раз оттаскивая за уши от голой бабы! Дошло, егерь?! Или перейдем к столь любимому вами рукоприкладству?

– Так точно! В смысле, никак нет, господин хайль...

Карен хотел вскочить, но на середине движения ладонь Фаршедварда тяжело опустилась ему на плечо, и подъем мигом сменился падением. С трудом удерживаясь, чтобы не сутулиться от ласки начальника, Карен стал раздумывать, как изложить Али-бею историю драки с курбаши Перозом. Не

докладывать же в самом деле, что пьяный в дым курбаши, которого егеря за глаза прозвали Сукиным Внуком, на ночь глядя ввалился в дом местного старика хакасца, потребовал ужин и в скором времени подавился рыбьей костью. Сочтя это провокацией, Сукин Внук принялся расстреливать почтенного старца, трижды промахнулся, в душевном расстройстве пошел будить егерей из отделения Карена, настаивая на их участии в расстрельной команде, и в результате был изрядно бит взбесившимся Кареном.

Отягчающим обстоятельством здесь являлся факт избияния старшего по званию в присутствии младших по званию, смягчающим – все остальное.

Но, казалось, Фаршедвард уже напрочь потерял интерес к этой истории. Когда Карен наконец открыл рот, ему было приказано заткнуться, и господин хайль-баши принялся без дела слоняться по кабинету, колыхаясь и пыхтя.

От скуки Карен начал разглядывать висевший на стене лук без тетивы. С такими луками танцевали на помосте борцы-нарачи после каждой победы – Карен не был поклонником устаревшего вида борьбы, считая ее бессмысленным пережитком прошлого и кладбищем пустых ритуалов, но несколько раз друзья все же затаскивали его на соревнования. Многие фармацевтические компании продали бы душу за таинственные рецепты древних борцов, позволяющие безболезненно наращивать вес втрое больше нормального и так же безболезненно возвращаться к обычному телосложению,

будь на то воля вышедшего в тираж нарачи, – но тайна по сей день оставалась тайной.

Представив себе резко похудевшего Али-бея, Карен еле удержался от улыбки.

– И как вы относитесь к перемирию, висак-баши? – неожиданно поинтересовался Фаршедвард, стоя к Карену спиной и глядя в окно на плац во внутреннем дворе участка.

– Согласно уставу, – коротко отозвался Карен.

– Конкретнее!

– А как вы прикажете вести военные действия в условиях «Проказы «Самострел»?! Когда ты не знаешь, на каком выстреле твой собственный автомат вздумает разлететься вдребезги у тебя же в руках?! Когда в особых отделах вырастают горы папок с одинаковым заключением: «Преступная небрежность при обращении с оружием» – потому что иначе совершенно нельзя объяснить, почему служака-десятник оставил в арсенале заряженную винтовку, а та начала стрелять! Вдобавок при этом эксперты хором заключают, будто ствол винтовки был забит песком! А в отделениях поговаривают шепотком, что пятый танковый хайль был отозван на прежние позиции, потому что у танкистов те же проблемы – только во сто крат хуже!.. – Карен осекся, немного помолчал и добавил уже совсем тихо: – Впрочем, хакаские боевики тоже не являлись исключением – сам видел... Это не перемирие, господин хайль-баши. Это вынужденная пауза. Боюсь, продлится она недолго.

Фаршедвард Али-бей вернулся к себе за стол и грустно обозрел стопку картонных папок с холщовыми тесемками. Хмыкнул. Взял верхнюю и заглянул в самый конец, туда, где обычно пишется заключение.

– Не тратьте зря пыл, висак-баши. – Звук рождался у бывшего нарачи где-то в области пупка и по дороге обрастал гулкими бархатными обертонами. – Я не глухой. И смею вас заверить, что, покинув армию и переведясь в полицию, вы не уйдете от столь возмущившей вас реальности. Вот...

Хайль-баши раскрыл папку и показал Карену надпись поперек страницы, сделанную фиолетовыми чернилами. «Преступная небрежность при обращении с оружием» – было написано там.

– Вот такие дела, висак-баши... То, с чем вы столкнулись в армии, – всего лишь первая волна. Сейчас идет вторая. Я прекрасно знаю, что в Кабире тебе выдали не только мушерифскую бляху, но и ишраф, разрешение на тайную слежку и сбор информации. Они там, на Ас-Самак, 4/6, полагают, что это тайна; ты полагаешь, что в случае получения особой информации твой ишраф выведет тебя из моего подчинения и ты станешь героем, пусть даже и посмертно; я же знаю, что все это ерунда. Просто правительство судорожно пытается за счет увеличения числа «шестерок»... – Хайль-баши попытался и продолжил: – За счет увеличения числа «шестерок», отправленных во все концы страны, раскопать хоть что-то. Новичкам везет – вот на что они уповают. И зря. Новичкам

везет всего один раз. Они могут завалить ишрафами полдержавы – правда или всплывет сама, или будет найдена профессионалами. Или везение, или работа. А пока что ты, сынок, в моем подчинении, и, уверяю тебя, это не всегда будет приятно.

Если Тот-еще-Фарш ожидал какой-то реакции со стороны нового подчиненного, то он жестоко просчитался.

Карен знал это раньше и лучше многих.

Впрочем, хайль-баши Али-бей в число многих не входил.

С момента трагической гибели старой Зейнаб Рудаби, матери Карена, прошло три месяца с небольшим; до того дня, когда четверка беглых смертников захватит рейсовый автобус Дурбан – Кабир, оставалось меньше недели.

И кто-то, кто знал все, сейчас наверняка посмеивался в бороду.

* * *

Свернув с проспекта аль-Мутанабби, Карен некоторое время плутал в хитросплетении совершенно одинаковых улочек, пока сердобольный малыш лет пяти не сжалился над тупым дядей и не указал ему, где находится тупик Ош-Дастан. Малышу это было нетрудно: песочница, в которой он увлеченно лепил громадные чуреки, предназначенные в пищу годовалой сестренке, находилась как раз посередине

искового тупика.

Карен огляделся.

Изъеденные временем несколько-с-половиной-этажные дома, украшенные ведущими под самую крышу наружными лестницами, скрипучими и щербатыми; заросли дикого шиповника, из колючей гущи которых торчат редкие корявые акации, водяная колонка с непересыхающей лужей под носом у крана; покосившиеся лавочки, на одной спит сном праведника бородач в драном халате, – а у его босых пяток пасется тощая коза, философски обгрызая края у чего-то, больше всего напоминающего кусок ржавой жести; между косматой козьей шеей и грязной щиколоткой спящего протянута веревка, но понять, кто к кому привязан и зачем, решительно невозможно.

Оазис лени и неизменности.

Легко представить, как прогресс заглядывает в тупик Ош-Дастан, брезгливо морщит нос и поспешно удаляется в более благословенные края.

Гораздо более благословенные.

Осталось только понять, почему Фаршедвард Али-бей, эта гора в пропотевшем мундире (кстати, а где шьют мундиры таких размеров?), этот мушериш-нарачи, запретил Карену снять квартиру по личному усмотрению, а направил именно сюда, снабдив конкретными и недвусмысленными предписаниями?

Нет, непохож был Тот-еще-Фарш на человека, без кон-

кретной цели издевающегося над новым подчиненным!

Поблагодарив добросердечного малыша – дареный медяк тот мигом закатал в очередной чурек, – Карен приблизился к лавочке-ложу и принялся расталкивать спящего. Это давалось с трудом, потому что коза бдительно мекала и норовила приложиться рогом или желтым оскалом к оскорбителю спокойствия. Однако через некоторое время усилия Карена были вознаграждены, и бородач открыл один глаз.

Вместо второго красовалось обширное бельмо, открыть которое не представлялось возможным.

– Почтеннейший, – в улыбке Карена прямо-таки выпирал намек на вознаграждение в случае доброжелательного ответа, – не подскажите ли, где здесь проживает бабушка Бобовай?

– Ах ты, прохвост, шакал и сын шакала!.. – просипело откуда-то из-за спины.

Поскольку борода человека на лавке даже не шелохнулась, а сиплый голос был скорее женским, то оставалось предположить, что заговорила коза. Повернувшись, Карен лишь укрепился в этом мнении: кроме козы, за спиной по-прежнему никого не было, а слюнявые козы губы вызывающе шевелились.

– Бедная старуха живет себе тише мыши, никого не трогает, а эти проклятые так и норовят то пособие урезать, то от жилищного вспомоществования крысий хвост оставить, то шлятся тут, вынюхивают, высматривают!..

– Извините, – сказал Карен козе, – но я не...

– Вон она живет, – вместо козы ответил бельмастый бородач. – Вон, на балконе, твоя Бобовой... Подойди, она тебя помоями окатит, а я смеяться стану.

И опять заснул.

Взглянув наверх, Карен и впрямь обнаружил по левую руку от себя серый балкон, полускрытый пыльной кроной акации, и всклокоченную старушечью голову над железными перилами.

Подходить за обещанными помоями почему-то не хотелось.

– Бабушка Бобовой, – наисладчайшим голосом начал Карен, вспомнив тон, каким в детстве разговаривал с маминными товарками в надежде на сладости, – вы меня неправильно поняли!

– Правильно я тебя поняла, правильно, отродье трупоедов! – донеслось с балкона. – Бедная старуха живет себе, никого не трогает...

Относительно последнего заявления у Карена были изрядные сомнения.

– Я насчет квартиры! – в отчаянии заорал несчастный висак-баши, радуясь, что успел переодеться в штатское. – Мне сказали, вы комнату сдаете!

– А что, если и сдаю?! – Балкон был непреклонен. – Тоже мне, нашел повод медяк у старухи изо рта выдрать! Сдаю я, сдаю комнату, только приличным людям сдаю, а не всяким

проходимцам вроде тех, что шатаются без дела да языком в чужих задницах ковыряются!

У Карена оставалось последнее средство. Хайль-баши Али-бей велел прибегнуть к нему в крайнем случае, и этот случай, несомненно, наступил.

– Я от Худыша, бабушка Бобовой! – выкрикнул Карен и сразу замолчал в ожидании реакции, потому что и сам не понимал смысла сказанной фразы.

В кроне акации раздалось хриплое бульканье.

Не сразу Карен понял, что старуха смеется.

– От Фаршедвардика? Что ж ты сразу не сказал, уважаемый! Подымайся, подымайся, тут ступеньки хлипкие, но тебя выдержат...

Вздохнув с облегчением, Карен уж было собрался проверить прочность ступенек, но ему помешала коза, решившая, что брезент его сумки намного вкуснее ржавой жести.

– Забери свою козу! – еле сдерживаясь, бросил Карен бородачу.

– Это не моя коза, – не открывая глаз, ответил тот. – Это ее коза.

И указал на балкон.

В конце тупика Ош-Дастан, невидимая из-за цветущего шиповника, стояла худая девочка лет двенадцати. Стояла, зябко кутаясь в тяжелую шаль с бахромой; смотрела, как незнакомый мужчина поднимается по скрипучей лестнице.

Смуглое лицо девочки не выражало ничего.
Совсем ничего.

Глава третья

Хаким¹²

*Лежит человек, сну доверясь,
лучом, перерубленным дверью.
А вена похожа отчасти
на чей-то неначатый путь.
И тихо в районе запястья,
как цель, пробивается пульс.*

...Избитая до крови степь грохотала, качаясь и подпрыгивая под копытами коня, впереди стремительно росло и на двигалось облако пыли, в глубине его солнечными вспышками то и дело сверкала сталь, темные силуэты всадников сшибались с оглушительным лязгом, криками и ржанием, кто-то кулем тряпья валился под копыта, кто-то вырывался из пыльного пекла, чтобы тут же нырнуть обратно: рубить, колоть, резать – убивать или быть убитым.

Но думать об этом уже было некогда, потому что стена бурой пыли скачком придвинулась вплотную, и в полированном лезвии тяжелого эспадо-двуручника (старая лозулезскаяковка, прадедовский меч!) на миг отразилось перекошенное яростью лицо – ЕГО лицо с развевающейся гривой

¹² Хаким – учитель.

льняных волос. Высверк стали со свистом рассек воздух, и еще раз – слева, справа; кособоко валится наземь разрубленный до седла кочевник в мохнатом малахае-треухе, так и не успевший достать кривой саблей обманчиво неповоротливо-го гиганта, беловолосого гуля-людоеда. Становится тесно, он едва успевает рубить фигуры в удушливой пелене – рубить коротко, почти без замаха, ворочаясь в седле поднятым медведем-шатуном, снося подставленную под удар саблю вместе с частью плеча, отсекая бестолково топорщившиеся железом руки. Кажется, он что-то кричал, когда очередной клинок, устремившийся к нему, легко переломился в выгнутом бараньими рогами захватнике эспадоны; получив наконец пространство для настоящего размаха, он очертил вокруг себя плоский круг, подбросив к небу выпучившую глаза голову в мохнатой шапке, чужую зазевавшуюся голову, кусок мертвой плоти – и на миг запнулся, увидев совсем рядом знакомого воина в сияющем даже под пылью доспехе, в прорезном шлеме, в латных рукавицах (в правой – он знал это! – не было руки, но именно в деснице воин сжимал прямой меч-цзянь по прозвищу Единорог).

Вознеся над собой эспадоны Гвениль в традиционном приветствии, он еле успел опомниться, сообразить, где он и кто он, – в лицо брызнуло горячим и красным: зацепили все-таки, ублюдки Хракуташа!

– Лоул и лорды! Н-на!..

Ответный удар двуручника, неотвратимый подобно руша-

щейся скале, расколол...

Словно подброшенный невидимой пружиной, он резко сел в кровати, закашлялся, даваясь чужим хрипом, — и проснулся.

Сон. Всего лишь сон!

Но еще минуту назад жизнь была ослепительно реальна — тяжесть меча в бугрящихся мускулами обнаженных руках, искаженный белогривый лик, мимолетно отразившийся в полированном лезвии, гибнущие враги, резкая боль от случайного пореза, соленый привкус на губах...

Рашид тяжело вздохнул и почесал живот.

Неприятно обозначившееся в последнее время брюшко, словно дразнясь, оттопыривало пижаму.

Переел на ночь, что ли?

Иногда ему, скромному учителю истории, очень хотелось быть таким, как беловолосый гигант во сне, но... каждому — свое, как говаривал пророк Зардушт. Рашид аль-Шинби по праву считался отличным специалистом в области истории средних веков, от становления Кабирского Эмирата и до первой трети позапрошлого века, когда распухшая от непомерных завоеваний туша Империи начала трещать по швам и распадаться. Через тридцать лет, после многочисленных локальных конфликтов между самозванными эмирами, столицу перенесут в Дурбан, подпишут пакет соглашений с Кименой и Лоулезом (а потом и с остальными, вплоть до Ри-

тунских островов) о невмешательстве во внутренние дела; окончательно получит международное признание упрямый Мэйлань, тут же затеяв кровавую возню с рвущимся на свободу Верхним Вэем, – впрочем, у бывшего эмирата обнаружится свой Верхний Вэй, именуемый Малым Хакасом...

Но это уже новая история.

И у нее другие специалисты.

Аль-Шинби прекрасно разбирался в холодном оружии, в тактике ведения конного и пешего боя, в защите и осаде крепостей – но из первой секции «рукопашки», куда он пытался записаться еще в детстве, Рашида выгнали, как «бесперспективного»; из второй он ушел сам, не выдержав жестокости изнурительных тренировок и ненавидя себя за это; а тайная попытка лично воспроизвести подсмотренный на гравюре прием работы с алебардой привела к тому, что Рашид чуть не остался без ноги – длинный шрам на голени ныл на погоду до сих пор.

Так что Рашид в конце концов раздумал становиться похожим на героя древности и занялся тем, что у него действительно получалось: историческими исследованиями.

Каждому – свое; пророк Зардушт был прав.

Теперь каким Рашид если и брал в руки один из хранившихся в дурбанском музее мечей – то с предельной осторожностью и лишь с единственной целью: снять размеры со старинного оружия, сделать несколько снимков в разных ракурсах или перерисовать в рабочую тетрадь загадочные руны,

покрывающие клинок.

И упаси Творец, никаких выпадов или лихих рубящих взмахов! Собственные ноги дороже... да и экспонат испортить боязно, что ни говори.

Но наедине с собой хаким Рашид частенько переставал быть уважаемым специалистом и становился хилым неуклюжим мальчишкой, которого мучают все классические комплексы. Господи, Творец-с-сотней-имен, до чего же иногда хочется почувствовать себя не заплесневелым книжным червем, а настоящим мужчиной, который сидит в седле как влитой, одним ударом тяжелого меча перерубает древесный ствол толщиной в руку, который может, не поморщившись, осушить жбан крепкого кименского хереса, которого любят женщины (конечно, имеется в виду мужчина, а не херес)...

В конце концов, ему ведь всего тридцать два! Еще не поздно, еще есть время опомниться, похудеть, бросить курить... Но, бередя застарелые язвы, в глубине души Рашид аль-Шинби признавал: мечтам суждено навсегда остаться мечтами.

И все же – нынешний сон... Вот как надо снимать фильмы! Это вам не дурацкий бесконечный сериал «Железная Рука» о Чэне-в-Перчатке!

К вящему стыду, Рашид согласился в свое время участвовать в подготовке этого, с позволения сказать, «шедевра» в качестве консультанта-историка. Тогда молодой выпускник Государственного университета фарр-ла-Кабир, соби-

равший материал для диссертации на тему «Смута Маверра-нахра и упадок рода Абу-Салим», был не только польщен и обрадован подобным предложением: он искренне надеялся, что получится дельная историческая картина, и стремился внести посильную лепту в благородное дело...

А что вышло?!

Ведь заранее же было известно, дорога в какое неприятное место вымощена благими помыслами...

Киношники внимательно выслушивали многочисленные замечания юного энтузиаста, листали принесенные им альбомы, даже делали какие-то пометки в своих блокнотах, благодарили, руку жали... А когда Рашида пригласили на просмотр первых двух серий, он чуть не упал со стула при виде разросшегося вдвое против реальных размеров Единорога (временами у крестовины меча открывался светящийся глаз, моргал и изрекал всякую чушь лязгающим фальцетом), **ОСТРОГО** четырехгранника-Дзюттэ за поясом у **КРАСИ-ВОГО** шута Друдла и перекачанного дебила-блондина, вертевшего бутафорский двуручник-эспадон, как бамбуковую палку!

Рашид был так расстроен и возмущен, что поспешил оставить просмотрный зал, забыв потребовать, чтобы его фамилию убрали из титров.

В результате там она и осталась, исправно кочуя из серии в серию под тенорок, гнусавящий за кадром: «Не возда-а-ам Творцу хулою...»; и когда аль-Шинби видел свое имя на

экране (или получал по почте мизерный, но регулярный гонорар), у него всякий раз багровели уши.

Хаким прикрыл глаза и вновь ощутил тяжесть меча в руках, слышал хруст ломающейся в захватнике вражеской сабли...

Захватник!

У меча, что лежал под стеклом в дурбанском историческом музее, у изрядно подпорченного ржавой коростой эспадона, идеей реставрации которого Рашид болел последние полгода, захватник был обломан; и аль-Шинби все не удавалось выяснить, какую форму тот имел, когда еще был на месте.

Теперь он знал!

Круто загнутые, короткие и прочные «бараньи рога» с отсутствием заточки по иззубренной внутренней дуге. Сам видел... во сне. Сегодня занятий в мектебе¹³ у него нет – надо непременно сходить в музей: проверить, сделать кое-какие замеры, наброски... Опять же он обещал Лейле навестить девушку «в ее одиночестве» – прекрасная возможность совместить приятное с полезным.

С этой мыслью Рашид аль-Шинби выбрался из кровати и зашлепал в ванную, на ходу расстегивая пижаму.

Первые, еще мягкие лучи ослепительного южного солнца позолотили купола минаретов и антенны на крышах высотных домов – день понемногу вступал в свои права.

¹³ **Мектеб** – привилегированная светская школа, лицей.

Непривычная пустота в правой руке остановила Рашида возле самого входа в музей. Ну конечно, его портфель вместе со всеми бумагами, рабочей тетрадью и миниатюрным фотоаппаратом «Око-3м» остался в учительской, в мектебе. Вот растяпа!

Рашид почесал в затылке, грустно вздохнул и решил прервать самобичевание: раз уж он дошел до музея, следует зайти внутрь, а съездить в мектеб за портфелем можно и попозже.

И аль-Шинби неспешно поднялся по истертым ступеням двухэтажного особняка – памятника старины, который столичные власти восемь лет назад отвели под исторический музей, миновал ряд колонн, испещренных выбоинами еще от мушкетных пуль, и потянул на себя массивную ручку-грифона, открывая трехстворчатую дверь красного дерева.

Всякий раз, когда он делал это, ему казалось: там, за дверью, замерло в коме прошлое, и стоит только найти способ реанимации, сбрызнуть недвижимое тело живой водой...

Швейцар, несмотря на ранний час, восседавший за конторкой, почтительно поздоровался с «господином хакимом» – Рашида в музее знали все, от директора до уборщиц. Он работал тут не первый год, параллельно с преподаванием собирая материалы для докторской диссертации. За это время с

помощью аль-Шинби был отреставрирован десяток ценнейших экспонатов, составлен новый каталог собрания музея; так что «господин хаким» имел не только право свободного входа в музей в любое время суток, но и неограниченный доступ как к витринным экспонатам, так и к обширным запасникам.

Остроглазой Лейлы, дипломницы университета ош-Дурбани, учившейся на реставратора и подрабатывавшей смотрительницей в музее, не оказалось в закрепленном за ней третьем зале – то ли задержалась, то ли выскочила за сигаретами.

Пунктуальностью старого швейцара Лейла не отличалась, зато имела массу других достоинств.

Улыбаясь неведь чему, Рашид постоял некоторое время перед узкой застекленной витриной, похожей на хрустальный гроб из сказки: в таких положено покоиться всяким Спящим Красавицам. Но вместо красавицы на алом бархате лежал изрядно проржавевший эспадон (несомненно, родовое оружие кого-то из лордов Лоулеза!) с обломанным захватником и частью крестовины. На рукояти сохранились изъязвленные временем фрагменты накладок из слоновой кости, украшенные резьбой, и Рашид надеялся рано или поздно восстановить весь рисунок, а теперь, после удивительного сна – чем Иблис не шутит, когда Творец спит! – и захватник с гардой! Останется аккуратно снять ржавчину, заново отполировать и запассивировать металл – и будет эс-

падон, в шутку прозванный Гвенилем в честь полусказочно-го двуручника, как новенький! Ну, не совсем, но все-таки не очень старенький; припадет губами к клинку великий воин Брюхач аль-Шинби, и очнется меч от забытья, аки красавица во гробе горного хрусталя...

Историк вновь обругал себя за забывчивость; однако сейчас, в рабочее время, вынимать меч из витрины все равно бы никто не дал. Рашид немного успокоился, пообещав самому себе обязательно вернуться вечером, и неторопливо побрел из зала в зал, разглядывая по пути давно знакомые экспозиции.

Впрочем, на живую историю Эмирата он мог смотреть часами, всякий раз выгрызая новые мелочи из старой скорлупы: это качество успело принести аль-Шинби определенную известность в ученых кругах.

В ближайших залах экспонировались знамена и штандарты: Падающий Орел¹⁴ на зеленом поле – эмирские стяги фарр-ла-Кабир; белоглавая вершина Сафед-Кух на черни – хоругвь хакасского рода Чибетей; голенастые драконы и ровные столбики иероглифов – Мэйлань и Верхний Вэй; серебристые лилии россыпью по треугольному щиту – Лоулез; бунчук о семи хвостах и рогатый череп на древке – Шулма; и дальше, дальше...

Дальше он не пошел.

Сделав небольшой круг, хаким вернулся в третий зал, где

¹⁴ **Падающий Орел** – звезда Ан-наسر-аль-Ваки (Vega).

были выставлены превосходное холодное оружие и на удивление корявые доспехи эпохи Смуты Маверранахра – начала Огненного Века.

Лейла была уже там, с мягкой улыбкой поднявшись на встречу Рашиду со скамеечки в углу. В зале, кроме них, никого не было, так что почтенный хаким позволил себе перестать быть почтенным и обнял просиявшую девушку. «В плен я взят врагом коварным, в душный сладкий плен – что там дальше?.. Трам-пам-пам, тирьяри-яри, и не встать с колен! Эх, стихи стихами, а махнуть бы сейчас рукой на все, завалиться в ее каморку, запереться там и...» Увы, Лейла осторожно высвободилась, в ответ на недоуменный взгляд Рашида указав глазами куда-то ему за спину.

Историк обернулся.

Возле витрины с эспадоном стоял не замеченный им угловатый подросток, несмотря на жару почему-то завернувшийся в тяжелую шаль с бахромой. Мальчишка явно был поглощен созерцанием двуручного меча, игнорируя чужие поцелуи.

Лишь через несколько секунд до Рашида дошло, что никакой это не мальчишка, а девчонка лет двенадцати; более того, он видит ее здесь далеко не в первый раз, все чаще – у витрины с предполагаемым Гвенилем.

– Твоя знакомая? – шепотом, чтобы не нарушить благоговейную тишину, царившую в музее, поинтересовался историк у Лейлы.

– Просто девочка, – также шепотом ответила студентка. – Является регулярно, а в последнее время зачастила прямо с утра – вижу ее каждую неделю, если не чаще. Приходит – и стоит перед единственной витриной. Иногда час, иногда два. Бывает, что по залу бродит – только по этому. Странная какая-то...

Рашид ласково погладил Лейлу по плечу и шагнул к девочке.

– Что, оружием интересуешься? – весело спросил он. – Этот меч называется... – Хаким осекся, напоровшись на острый укоризненный взгляд, словно с разгону налетел на спицу. Так смотрят на случайного прохожего, потревожившего тебя на кладбище, когда ты стоишь у могилы кого-то из близких.

Или на бодрячка-доктора, когда ты проводишь умирающего деда в доме для престарелых.

– Извини... – пробормотал Рашид, спеша отойти.

Девочка снова повернулась к витрине и застыла в почетном карауле, а историк вернулся к ожидавшей его Лейле.

– Я зайду вечером? – заговорщицки прошептал он девушке на ухо, одновременно без особого успеха пытаясь выбросить из головы взрослую укоризну во взгляде несовершеннолетней девчонки. – Хочу повозиться с Гвенилем... и не только с ним!

– Ни в коем случае! – лукаво улыбнулась Лейла, обеими руками взлохмачивая черные как смоль волосы, завитые

снизу таким образом, что прическа походила на шлем. — Я сегодня допоздна, пожалуй, и ночевать здесь останусь. И так бедной девушке страшновато, так еще и малознакомый мужчина...

Это была их обычная, ставшая традиционной игра, неизменно заканчивавшаяся на маленьком, но весьма удобном диванчике — он стоял в выделенной Лейле подсобной комнате музея.

Или в квартире Рашида, на широкой пружинящей кровати.

Аль-Шинби уже давно подумывал сделать Лейле предложение, но все как-то не решался, а девушка его не торопила, хотя явно ждала от хакима соответствующих слов.

«Может, сегодня. Или завтра», — в очередной раз замялся Рашид, понимая: непросто быть настоящим мужчиной, даже выпив предварительно жбан кименского хереса!

Поцеловав на прощание Лейлу, он заспешил к выходу из музея.

В любом случае сейчас следовало заехать в мектеб «Звездный час», где аль-Шинби, магистр истории и не последний человек в ученых кругах, преподавал историю средневековья ученикам старших и средних классов.

«Звездный час» по праву считался особенным мектебом.

Глава четвертая

Хабиб

*А хочется повыше,
хоть чуть-чуть повыше,
А хочется подальше,
хоть чуть-чуть подальше,
Ах, как же это вышло,
как же это вышло?
Ведь мы такого и
не ожидали даже...*

...Неизвестно, сколько суждено было Кадалю оставаться нищим энтузиастом, волшебником, неспособным наколдовать себе пару рубленых кебабов и стаканчик вина, если бы на его пути не возник Равиль ар-Рави – дородный громогласный красавец, обладатель густой черной бороды и хитрых глазок, при необходимости становившихся холоднее воды из горных потоков Бек-Неша; хозяин жизни, носящий безупречные дорогие костюмы – и аляповатые перстни с браслетами, единственным достоинством которых были размеры и вес; курящий лучшие дурбанские сигары «Дым отечества» – и стряхивающий пепел прямо на уникальный ковер тринадцатого века; человек с сомнительным прошлым, темным настоящим и, несомненно, светлым будущим.

Впрочем, люди, хорошо знающие Большого Равиля (а таких было немного; вернее, живых немного), полагали всю эту внешнюю мишуру не более чем ловко надетой маской.

Они были правы, знающие люди: и живые, и мертвые.

У Равиля ар-Рави была проблема: его двоюродный брат слишком полюбил тыкать себе иглой шприца в разные части тела, вместо того чтобы уделять внимание делам семьи; врачи оказались бессильны, убеждения – тщетны, а отрезать брата от источников зелья не мог даже Равиль. Особенно если учесть, что... хотя, пожалуй, не стоит учитывать личные обстоятельства семьи ар-Рави.

Себе дороже.

И тогда Большой Равиль обратился к Кадалю.

Каким образом один из шейхов «Аламута»¹⁵, не первый год числившийся среди «горных орлов», вышел на скромного доктора, осталось неизвестным. Заявившись в небольшую квартирку Кадаля и упав в жалобно заскрипевшее под ним кресло, ар-Рави первым делом брезгливо стряхнул сигарный пепел в вазу с ломкими осенними астрами и заявил, что в гробу видал всяких колдунов-чудотворцев и прочих шарлатанов. Но сейчас у Кадаля появился шанс доказать обратное: если брат Равиля выздоровеет, то он, Равиль ар-Рави, будет готов немедленно уверовать в любую паршивую ма-

¹⁵ «Аламут» – клан организованной преступности. Название организации ведет свое происхождение от легендарного Орлиного Гнезда, резиденции Гасана ас-Саббаха, возглавлявшего секту асасинов в период ее расцвета.

гию, Творца, шайтана, Восьмой ад Хракуташа и во все, что угодно господину Кадалю, плюс успешно подкрепит веру на личными...

В случае отказа у него, шейха Равиля, действительно возникнет повод увидеть господина доктора в гробу.

– Фото, – коротко бросил Кададь в ответ на эту длинную тираду.

Равиль на мгновение опешил – он не ожидал столь делового ответа от мямли-докторишки, – и во взгляде «орла» промелькнуло нечто похожее на уважение.

– А теперь убирайтесь, – так же спокойно и сухо заявил Кададь, получив десяток фотографий. – Можете прийти завтра, а лучше – через неделю, когда убедитесь сами, выздоровел ли ваш брат. Но имейте в виду – в моем доме пепел стряхивают в пепельницу.

И грозный Равиль молча ушел, даже не подумав перечить странному доктору, в котором недвусмысленно почувствовал дремлющую до поры силу.

Силу ар-Рави уважал.

Он вернулся через неделю, совершенно обалдевший: двоюродный брат в один день бросил колотья, и даже особой «ломки» у бывшего позора семьи не наблюдалось.

Аккуратная пачка казначейских билетов более чем солидного достоинства приятно удивила Кадаля, не привыкшего к высоким гонорарам. И когда искренне благодарный Равиль, долго жавший доктору руку, предложил стать его атабеком,

то есть опекуном-покровителем, Кададь недолго колебался. В конце концов, он будет делать то же самое, что и раньше. А если есть возможность получать за лечение хорошие деньги, почему бы ею не воспользоваться? Доктор Кададь отнюдь не был святым – просто ему часто не хватало деловой хватки, – зато у Равиля последнее качество имелось в избытке.

Примерно через час новые партнеры ударили по рукам, и несколькими днями позже доктор Кададь переехал в дорогой двухэтажный особняк, расположенный в самом фешенебельном квартале Западной Хины. Напротив, через дорогу, проживал хинский пайгансалар¹⁶ с многочисленным семейством и сворой блудливых терьеров, а по левую руку возвышался дом господина сахиб-хабара¹⁷, выстроенный городским архитектором по особому проекту. К счастью, сам Равиль обитал в том же квартале и быстро приучил заробевшего было Кадаля не теряться в высокопоставленной компании.

И уж тем паче не заикаться при каждом случайном «саламе».

Теперь люди Большого Равиля (Кададь был далек от мысли, что его атабек занимается этим самолично) усердно подыскивали богатых клиентов, нуждающихся в услугах Кадаля, и приносили доктору фотографии «страждущих». Заказы в основном поступали не от самих больных, а от их состоятельных родичей, весьма довольных анонимностью ле-

¹⁶ **Пайгансалар** – начальник полиции города.

¹⁷ **Сахиб-хабар** – начальник почтового ведомства.

чения. Поначалу громилы-агенты тоже пытались принять участие в процессе, путано объясняя, как часто забивает косяки тот или иной обдолбай, но доктор всякий раз нетерпеливо обрывал:

– Не беспокойтесь, диагноз я поставлю сам.

Видимо, один из громил в конце концов удосужился разузнать, что значит страшное слово «диагноз», и поделился этой ценной информацией с товарищами. Или ар-Рави посоветовал «орлятам» не гадить в чужие гнезда – короче, больше люди Равиля не докучали доктору невразумительными пояснениями. А после восьмого удачного излечения к каждому комплекту снимков стал неизменно прилагаться внушительный аванс. Аналогичную сумму доктор получал через неделю после сеанса – когда состояние пациента уже не вызывало никаких сомнений.

Сколько наvara имел сам Равиль, доктор Кадаль даже не представлял, да и не очень-то задумывался насчет доходов атабека. Иногда он по-прежнему лечил людей бесплатно. Теперь он мог позволить себе подобную роскошь – именно как роскошь, как легкую, необременительную филантропию. Однажды ар-Рави, пронюхав об этом по своим каналам, решил было вразумить Кадаля, но доктор посмотрел на разоравшегося атабека, как смотрел иногда на фотографию несимпатичного ему пациента, и «орел», с хрустом захлопнув клюв, плюнул на ковер и ушел.

А Кадаль задумался: впрямь ли однозначно его неумение

влиять на человека при личном контакте?

Позже, успокоив нервы и пригласив доктора отобедать в дорогом ресторане, Большой Равиль с не свойственной ему деликатностью попросил, чтобы Кадаль хотя бы не распространялся о своей бесплатной практике. Если доктору по душе благотворительность – ради Бога, все не без греха, одни любят мальчиков, другие субсидируют музеи, но зачем же сбивать цены на свои услуги? Богатые клиенты этого не поймут.

Кадаль согласился, что атабек прав, выпил по поводу примирения бокал шербета и пообещал не афишировать случаи бесплатного лечения.

В общем, недоразумение было улажено, а вскоре между Кадалем и ар-Рави установилось нечто вроде своеобразной дружбы: оба безоговорочно признавали авторитет и незаурядные способности партнера в его области, но при этом симпатия Равиля носила легкий оттенок снисходительности к одаренному свыше, но абсолютно непрактичному «знахарьку», а Кадаль, в свою очередь, ценя деловую хватку и острый ум Равиля, относился к «горному орлу», как к большому ребенку, увлекшемуся опасной игрой и считавшему эту игру единственным смыслом жизни, что, по мнению доктора, было в корне ошибочно.

Но, независимо от нюансов, новые друзья хорошо ладили и были вполне довольны друг другом. Несколько раз они даже отдыхали вместе на курортах побережья Муала или в

Озерном пансионате, расположенном в пригороде Дурбана на месте бывшего гарема правителя города.

Впрочем, любая из девочек, приезжавших по вызову в Озерный пансионат, могла дать сто очков форы гаремной наложнице по части умения ерошить мужчинам паховые перышки. Еще бы, девочки были дорогие, а наложницы – бесплатные...

Самое смешное: до сих пор, заходя в цирюльню или чайхану, Кадааль искренне боялся, что у него не хватит денег рассчитаться за стрижку или поджаристый лаваш. Динаров в кожаном портмоне достало бы завалить лавашами всю кладовку, а подстричь на эти деньги можно было бы целый хайль новобранцев – и вот поди ж ты!

Зато в присутствии Равиля доктор ловил себя на том, что начинает сорить деньгами.

Комплексы прошлого.

...Успешное сотрудничество друзей-партнеров продолжалось уже четыре года, но в последнее время кошки все чаще скребли на душе у Кадаля.

Теперь он хотел знать клички этих непрошенных кошек.

Доктор не догадывался, что для этого придется копаться на помойках бытия.

* * *

Взгляд скользил по мелким строчкам газетного шрифта,

информация тонким, монотонно журчащим ручейком вливалась в мозг – и тут же падала в некий отстойник, минуя сознание, занятое сейчас совсем другим.

«Вооруженный маньяк застрелил из автоматической винтовки девять человек в центре Дурбана, после чего оружие взорвалось; преступник скончался на месте, не приходя в...»

Еще одно убийство-самоубийство – снова набитый песком ствол?!

Едва не перевернув кофе, доктор Кададь порывисто вскочил и в два шага оказался у журнального столика, на котором лежала стопка старых газет недельной давности – хорошо, что прислуга не удосужилась их выбросить!

Нужные сведения буквально бросились в глаза: да, вот они – одно, два... и еще два случая подряд до боли знакомых самоубийств! Итого – пять. Столько же, сколько у Кадаля было пациентов с одинаковой манией! А ведь это неполные данные, причем только за последнюю неделю!

«И в трех случаях из пяти фигурируют револьверы марки «масуд»!» – отметил вдруг Кададь. Возможно – совпадение, а возможно... Он не знал, что еще – «возможно». Возможно было все.

«Демон У меня побери! – обожгло доктора. – Неужели всю эту дрянь, кроме меня, никто не видит?! Или видит? Может, делом уже занялись соответствующие службы (Кададь не очень представлял, какие именно службы в данном случае будут соответствующими) и я просто лезу не в свои ша-

ровары? Только, во-первых, я еще никуда толком не влез, а во-вторых... похоже, влезу!»

Подойдя к телефону, он набрал номер Равиля. Шейха «Аламута» наверняка не было дома, но в последнее время ар-Рави всюду таскал с собой эту новомодную штучку – радиотелефон, так что Кададь не сомневался: он сумеет вызво- нить своего друга и атабека.

В кои-то веки доктору действительно понадобилась его помощь.

– Салам, Равиль... да, это я, Кададь. Слушай, у меня к те- бе просьба: скомандуй переслать ко мне в почтовый ящик... нет, не ящик, а... ну, телевизор с клавишами!.. точно! На мой КОМПЬЮТЕР все, какие найдешь, данные по Узиэлю ит-Сафеду... а что, есть еще один Узиэль, кроме теперешне- го главы корпорации «Масуд»? Кончай ржать, я не собира- юсь заняться промышленным шпионажем... да, естествен- но, именно официальные, доступные сведения, за которые не дают пожизненный зиндан! Сам? Я его боюсь, этот твой телевизор, а ты говоришь: сам... Что? Включить? Зачем? А- а, понял! Ладно, включаю и жду!.. Да, позвоню вечером или завтра. Ас-салам!

Загадочный ящик с кнопками и небольшим телеэкраном принялся злобно бурчать на доктора, изрыгая невнятные га- дости и мигая целым созвездием лампочек. Кададь поспе- шил отодвинуться подальше – он стыдился признаться, что до сих пор побаивается компьютера, называя его про себя де-

тищем Иблиса. Однако Равиль убедил доктора, что чудо техники может пригодиться, и заставил взять несколько уроков обращения с подозрительным ящиком у застенчивого очкарика – последний, уходя, всякий раз с завистью косился на Иблисово детище и бормотал под нос: «Везет же...»

Кому именно везет и кому должно было бы везти, если бы в мире царила очкастая справедливость, паренек тактично замалчивал.

Только теперь доктор понял, насколько прав оказался ар-Рави, всегда старавшийся идти в ногу со временем. На обзвон специальных хранилищ, архивов и библиотек, поиск нужных материалов и корпение над ними у Кадаля уже просто не было времени – властная уверенность в этом не поддавалась логическому осмыслению, будучи сродни знакомому ощущению слияния с чужим мозгом. Сколько их оставалось, кругов часовых стрелок по циферблату неведомого? День? Два? Неделя? Месяц? Хорошо бы – месяц. Но вряд ли. События развивались стремительно и фатально, надвигаясь из-за грани невероятного; и НЕвероятное постепенно становилось МАЛОвероятным, а затем – и ВЕСЬМА вероятным, норовя под шумок стать ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫМ. Что тогда? Человечество отыщет у себя висок, один на всех, и пустит в него пулю?

Предчувствие гигантским кракеном всплывало из потаенных, до сих пор скрытых от него самых глубин, – и Кадаль покорно внимал себе ДРУГОМУ, тому СЕБЕ, который знал

куда больше обычного Кадаля, знал, пытался предупредить, никак не мог докричаться – и наконец-таки сумел: пусть не сам голос, но хотя бы отзвук, эхо дошло до сознания доктора, и теперь он просто не имел права отмахнуться от слабого отчаянного вопля из толщи души.

Доктор Кадаль боялся только одного.

Что боек уже ударил по латунному капсюлю, что неумолимая свинцовая оса в оболочке из нержавеющей стали начала свое короткое и плавное скольжение по нарезам ствола.

Что поздно отдергивать руку – все равно не успеть.

Поздно.

Он боялся этого – и отчаянно раздувал гаснущие угольки надежды.

Информация поступила через час, возвестив о себе радостным звяканьем в электронных недрах Иблисова детища.

Еще минут двадцать ушло у доктора на поиск пришедших файлов; следующие полчаса он выгонял их на экран, как измучившийся пастушонок гонит стадо разбредаящихся овец. Но из первого раунда сражения с выкидышем прогресса Кадаль вышел победителем: на бледно-голубом экране все-таки высветилась надпись: КОРПОРАЦИЯ «МАСУД».

Далее шли рекламно-информационные разделы: история создания и развития; современное состояние; специализация; технико-экономические показатели и тому подобные сведения – безобидные, вполне годные для восприятия лю-

бым обывателем.

Немного освоившись и на ходу припоминая уроки очкастого завистника, Кададь начал проглядывать раздел за разделом, забираясь во внутренние подкаталоги, испуганно выныривая из них, набирая в легкие воздуха и снова окунаясь в дебри цифр, фактов и терминов.

Если бы он еще знал, что ищет?!

Первый «звонок» прозвенел примерно часа через два – когда Кададь, устав протирать слезящиеся от постоянного напряжения глаза, изучал раздел «специализация». Словно пуля-оса ударила в голову изнутри, разорвав пелену апатичного тумана, постепенно затягивавшую усталый мозг. И доктор внимательно вчитался в текст.

Зацепка?

То, что корпорация «Масуд» производила стрелковое оружие и в первую очередь знаменитые револьверы «масуд» 24-го, 38-го («ар-мушериф»), 45-го и 54-го калибров со множеством модификаций, было известно всем. Но, кроме револьверов и карабинов одноименной марки, «Масуд» производила также автоматическое оружие, бронетехнику, ракетные комплексы наземного базирования и артиллерию – это, пожалуй, оказалось для Кадаля новостью. Криминала тут не было ни на йоту – и тем не менее... Еще четыре известные оружейные фирмы вместе с принадлежавшими им заводами и конструкторскими бюро оказались фактически филиалами «Масуда»: корпорация, которую доктор считал просто

ОДНИМ из крупнейших производителей оружия, на глазах превращалась в колоссального МОНОПОЛИСТА.

На всякий случай доктор Кададь сходил в соседнюю комнату и еще раз сверился с газетами. Все совпадало: автоматический пистолет «гасан бен-гасан» и малокалиберный «шакал», из которых застрелились двое самоубийц последней недели, были изготовлены на дочерних предприятиях «Масуда». А это значило...

Ничего это не значило! Если почти все оружие в стране производится разросшейся амебой «Масуда», – информация законная, открытая и ни к чему не обязывающая, – то удивительно ли, что пятерка «маньяков суицида» застрелилась из пистолетов данной корпорации!

Но, с другой стороны, почему именно ЗАСТРЕЛИЛИСЬ – не повесились, не утопились, не зарезались, не выбросились из окна, не отравились газом или цианидом... мал ли арсенал возможностей свести счеты с жизнью?!

...Височная впадина лопается под напором – и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции, склизкими ошметками выплескивается...

Неужели ВСЕХ ИХ преследовал один и тот же кошмар?! Остынь, дружище Кададь! Копни статистику: наверняка окажется, что люди вешаются и травятся ничуть не реже, чем стреляются! Выбрось эту чушь из головы, занимайся своим делом: спасай тех, кого еще можно спасти, исправно получая

соответствующий гонорар! А не способных рассчитаться с Равилем – в меру сил спасай бесплатно, как делал до сих пор.

И смотри на себя в зеркало, не отводя взгляда.

Доктор Кадаль грустно вздохнул и продолжил поиски, параллельно раздумывая над кандидатурой психиатра, который возьмется вылечить некоего Кадаля от паранойи.

Интересно, за какой гонорар?

Был уже вечер, когда он добрался наконец до раздела «Узиэль ит-Сафед: некоронованный король. Глава совета директоров корпорации «Масуд» об оружии и о себе».

Кадаль отхлебнул чуть горящего тоника из высокого бокала, на минуту зажмурился, пытаясь восстановить изрядно севшее зрение, – и нажал «ввод».

На экране возникло очень качественное цветное изображение: представительный лысеющий мужчина лет сорока пяти, одет в серый кименский костюм с длинными фалдами пиджака-фрака, стоит и держит в руках новенький револьвер «масуд» 45-го калибра; и не то чтобы целится из него в камеру, но щурится так, как если бы целился. Револьвер Узиэль ит-Сафед держал любовно и твердо, словно сына-первенца, сопящего в коконе из теплых пеленок.

Было что-то ненормальное, противоестественное в нарочитости позы, в прищуре стальных (под цвет костюма? или это костюм под цвет?..) глаз генерального директора-оружейника, прицеливающих в зрителя (или в оператора?) из сына-револьвера...

Доктор Кадаль задумчиво рассматривал детали снимка: иглы черных зрачков, длинные, почти девичьи ресницы, разбегающиеся во все стороны лучики морщинок, презрительные складки возле тонких губ... Взгляд доктора скользнул ниже, будто сорвавшись с кручи лица ит-Сафеда, и Кадаль вздрогнул: на него уставился еще один презрительный черный глаз – зрачок револьверного дула. В гнездах барабана отливали золотом блестящие головки пуль, и весь хищный абрис оружия, казалось, говорил: «Сейчас, сейчас дернется курок-коготь, и содержимое твоего черепа, венец сотен веков эволюции...»

Изображение внезапно поплыло, размазалось под кистью вечно пьяного ретушера, как всегда бывало при удачном контакте, и прежде чем провалиться в чужое сознание, доктор Кадаль успел обреченно подумать: «Вот и проверил. Значит, годятся не только фотографии...»

В следующее мгновение он был уже ТАМ.

* * *

Вокруг него и одновременно ВНУТРИ зыбко шевелились расплывчатые силуэты, напоминая готовящихся к схватке вэйских бойцовых рыбок-самцов; доктор никак не мог отследить их контуры, потому что и сам был одним из мерцающих призраков, но вместе с тем – ВСЕМИ ИМИ сразу! Искаженное до неузнаваемости сознание дробилось на немыс-

лимое множество исчезающе малых частиц, чудом оставаясь целым, расплескавшись тонкой маслянистой пленкой по поверхности живого океана, в глубине которого шевелилась заточенная между солеными каплями нежить, не в силах прорваться на поверхность. Этот глубинный напор был древним, как само Время, его сила копилась давно, и сейчас тварь, стремившаяся разорвать сдерживающую пленку, была, как никогда, близка к завершающему рывку, к свободе, к ошметкам содержимого черепа, одного на всех... но – время еще не пришло. Скоро, уже скоро – но не сию минуту.

«Когда?!!» – не слыша самого себя, взвизгнул Кададь, из последних сил цепляясь за остатки растаскиваемого в стороны «Я»; в ответ беспокойно заворочались зыбкие силуэты, словно дивясь неожиданному вторжению и пытаясь рассмотреть странного пришельца целиком, вместо того чтобы рвать его на части.

Окружающий Кадаля кошмар на миг замер, и какая-то неуловимая часть ЦЕЛОГО пришла в особое движение. Это было уже не общее хаотическое брожение – нечто двигалось целенаправленно, оно сопровождалось все усиливающимся пароксизмом боли, и Кададь-организм знал неясным знанием: тайна рождается в муках, чтобы быть безжалостно выброшенной из материнского чрева в никуда, исчезнуть, кануть в небытие...

Внутренности чудовищного, состоящего из миллионов отдельных элементов безликого существа, которым в этот

момент был Кададь, обожгло огнем, и кричащий раскаленный зародыш вырвался на свободу, мгновенно умчавшись прочь, чтобы дрожь извращенного наслаждения-гибели пробежала по гигантскому организму, чтобы боль от вошедшей в нервный узел тупой и ржавой иглы сменилась блаженным чувством, подарком наркотической белены, что течет по венам, разрушая тело, давая взамен возможность забыться, отрешиться от предчувствия неизбежной боли, и от ее наступления, и от ухода, за которым следует новый виток спирали отчаяния и тоски – мука, проклятие, но без нее ты уже не можешь, не в силах представить свое существование...

Сладостный, мучительный экстаз разрушения и смерти!

Кададь закричал, с усилием вырываясь из засасывающей трясины нечеловеческого кошмара, – и, судорожно глотая ртом воздух, вынырнул на поверхность.

Глава пятая

Азат

*Я открываю скрипучую дверь,
я выхожу из тьмы.
Я – это я,
зверь – это зверь,
мы – это мы.*

- Пустите меня, я его р-резать буду!..
- Арамчик, миленький, сладенький!..
- Р-р-резать!.. От корня...
- Слушай, Арам, не кипятись, давай как мужчина с...
- Держите его! Соседушки, что ж вы попрятались?!
- Арамчик, родненький, ты его неправильно понял!
- Пр-равильно, сука! Р-резать...

Хор истошных воплей подбросил Карена на постели не хуже подъемного рожка, и опомнился бравый висак-баши только у окна, наскоро протирая заспанные глаза. Впрочем, единственное окно в комнате, выделенной новому постояльцу воинственной бабушкой Бобовой, выходило на другую сторону дома, и видеть из него можно было лишь трамвайную остановку и чахлый сквер за ней.

– Арамчик, я тебя люблю!

– Люби! Ты всех любишь, т-тварь!..

– Нож! Спрячь свой штырь, падла!

Дребезжащий трамвай вразвалочку подкатил к шаткому навесу, двое случайных прохожих стали помогать юной мамаше загрузить внутрь коляску с гукающим младенцем; но всего этого Карен уже не видел. Спешно натянув штаны, он, как был – взлохмаченный, голый по пояс, босой, – вымелся в темный коридор, чертыхаясь, больно угодил плечом в висящий на стене одноколесный велосипед, сослепу кинулся в первую попавшуюся дверь и вскоре оказался на балконе.

– Подобру ли спалось, гостенек? – как ни в чем не бывало осведомилась бабушка Бобовой, не отрывая горящего взгляда от происходящего внизу. Инвалидное кресло старухи подпрыгивало, отражая бурю чувств в бабушкиной душе, сама бабушка опасно напоминала престарелого коршуна хакасских скал, и Карен поразились прочности этого чудо-творения доморощенного механика из тупика Ош-Дастан.

Если сочетание разнокалиберных колесиков, алюминиевых трубок, дощечек и пластмассовых обрезков, именуемое инвалидным креслом, в состоянии выдержать темперамент полупарализованной бабушки...

А если кто-то и решит, что под чудо-творением и так далее имелось в виду отнюдь не кресло, а сама хозяйка Бобовой, то он тоже будет недалек от истины.

– Ах ты, чаушиный помет! Р-резать, тр-ребуху пороть...

– Иди себе умывайся, гостенек, это все ерунда, это Арам-солдат домой вернулся. Сейчас он бычка залетного подхолостит, коровище своей красоту наведет, отведет душеньку – и начнем всем тупиком столы накрывать. Я им долму сделаю, настоящую, с виноградным листом, со сметанкой чесночной... любишь долму, гостенек?

Карен понял, что с его стороны будет донельзя глупо запихивать старуху в комнату, слетать вниз по стене, цепляясь за виноградные лозы, и спасти непонятно кого от непонятно чего. Дитя кабирских закоулков, он прекрасно знал, что в таких домашних разборках больше всего достается непрошеным миротворцам, которые огребают двойную порцию тумачков. Поэтому висак-баши вздохнул, прокашлялся со сна, обеими руками пригладил волосы и, уже не торопясь, выглянул с балкона.

Напротив, у загаженной подворотни, прыгали два петуха и одна курица. Курица была, что называется, вся из себя и не только из себя: пышнотелая, с крашеными перьями, в ночной сорочке с многочисленными прорехами, и в блажном курином кудахтанье через слово мелькало «Арамчик», а через два – «миленький». При всем этом курица успела бросить оценивающий взгляд на полуобнаженного мужчину у перил балкона бабушки Бобовой, и многозначительное подмигивание чуть не заставило Карена попятиться – столько в простом движении век было страсти и женского голода.

В одном же из петухов было несложно признать Ара-

ма-солдата, несложно, даже будучи с ним абсолютно незнакомым, – старшинская форма уз-баши и сиреневые петлицы стройбата говорили сами за себя. Карен прекрасно знал, из кого вербуются строительные части, особенно дорожные, предназначенные для работы на износ в труднодоступных местах. Не зря армейские мушерифы регистрировали любой смертный исход в частях дорожников (а также среди населения в результате конфликта с агрессивными полууголовниками), как «вызванный естественными причинами».

Наверное, если бы ревнивый Арам поднял сейчас голову и увидел на балконе висак-баши, с нехорошей улыбкой поглаживающего длинный шрам на предплечье – зарубку на память об одной деликатной встрече, – то позаботился бы буян-Арамчик резво убраться куда подальше.

Но Араму было не до того.

Уж чего-чего, а попользоваться своим огнем он не давал никому, всячески норовя это продемонстрировать во всеуслышание и рассмотрение.

– Р-резать!

– Ах, значит так, ублюдок...

Второй петух резво отскочил в сторону, сверкнув фальшивыми перстнями и дутой золотой цепью на шее, и мигом подобрал увесистую штaketину. Ткнул ею в сторону Арама, почти сразу присел на волосатых ногах, смешно торчащих из цветастых трусов, ловко ударил с другого конца, норовя достать пах и прихватив штaketину посередине; завихлял кру-

гом, загарцевал, вертя самозванное оружие и не отрывая глаз от Арамового ножа.

Неизвестно, видел ли он то, что видел Карен: армейский нож Арам держал щепотью, по-хаффски, даже когда перекидывал из руки в руку, так что из пальцев неизменно торчал только кончик бритвенно-острого лезвия; и петуху-гуляке грозили в худшем случае обильные порезы. Такие раны залечивают после всем двором, спрыскивая вином обиду и смытое легкой кровью оскорбление, а бывшие соперники хором проклинаят слабых на передок баб и подвешивают курице по синяку с обеих сторон – ни дать ни взять печати на договоре двух уважаемых держав.

Карен покусал губу и собрался идти умыться.

– Тр-ребуху пороть... стер-рвень...

– Арам! Братан! Дай я его...

Цепкая старушечья лапка прихватила Каренов ремешок чище егерского крюка, и немедленно раздался властный крик бабушки Бобовой:

– Сдурел, Руинтан? Мозги в чаче утопил?! А ну брось ружье, ишак драный!

Руинтаном – по-дурбански «меднотелым» – оказался давешний бородач. То ли не удалось ему проспаться со вчерашнего, то ли успел он крепко добавить на рассвете, празднуя восход солнца, но вид у «меднотелого» был жалким. Его качало, он выходил из подворотни и все никак не мог выйти, за ним с меканьем тащилась взволнованная коза, по-преж-

нему привязанная к грязной щиколотке, и если бы не потрепанная двустволка у бородача в руках, то безобидней человека было бы трудно найти.

– Арам! Братан...

Карен понимал: не успеть. Оба ствола уже поднимались вверх, они плясали, дергались, не в силах сосредоточиться на блудливом петухе, но это было неважно, потому что один из стволов вполне мог отрыгнуть дробью или картечью, и тогда... Бабушка Бобовой отпустила ремешок Карена, скоренько пошарила в недрах кресла, и через секунду в ладонь висак-баши ткнулся кусок металла. Гнутый, клепанный с конца болт, с тяжелой граненой шляпкой, отполированный до блеска. И последнее, о чем Карену Рудаби, бывшему горному егерю, хотелось в эту минуту думать, так это о том, откуда болт взялся в инвалидном кресле старухи и какое предназначение выполнял.

– В голову цель, парень, – прошептала бабушка, и было в старушечьем голосе что-то, заставившее Карена вздрогнуть и оценивающе смерить расстояние между собой и бородачом. – В голову, милый... старая я, руки у меня... дрожат руки-то!..

Все произошло одновременно: слепящая молния дурацкого болта, совершенно не предназначенного для метания в пьяных бородачей, но тем не менее на удивление уравновешенного, – и похмельная судорога, заставившая корявый палец Руинтана дернуть спусковые крючки.

Двустволку неожиданно повело у него в руках, как идущий юзом грузовик по обледенелой дороге и сводящий на нет все попытки водителя совладать со взбесившейся громадой; грохот дуплета вышел сбивчивым, рокочущим, оба ствола лопнули, разворачиваясь удивительным цветком в лепестках огня и дыма, цветок взметнулся вверх, обласкав краем левую сторону лица Руинтана, – и в следующее мгновение исковерканное ружье полетело в одну сторону, а бородач в другую, получив в челюсть шляпкой любимого болта бабушки Бобовой.

А Карен уже неся вниз по возмущенно скрипящей лестнице.

– Ухо, – озабоченно пробасил бородач, садясь и неловко ощупывая голову. – Ухо мое...

– Тебе голову, пропойце, оторвать надо, а не ухо! – рявкнул Карен и только сейчас заметил, что левая половина бородищи Руинтана сильно обгорела, а по шее течет кровь.

– Голову надо, – покорно согласился неудачливый стрелок. – Надо голову, а оторвало ухо...

И повернулся к Карену боком.

В изрядно прореженной гуще волос был виден жалкий огрызок, торчащий клочок хряща, измазанный красной жижей, а само срезанное осколком ухо бородач горестно держал в руке и разглядывал, страдальчески причмокивая.

– Может, пришьют обратно? – спросил он у Карена и сам

себе ответил: – Хрена они пришьют, лекаря эти...

Перестала кудахтать курица, спрятал нож в чехол Арам-солдат, бочком-бочком убирался прочь петух-гуляка, нороя исчезнуть раньше, чем вспомнят о нем, причитала на балконе бабушка Бобовой, и шла по тупику Ош-Дастан двенадцатилетняя девочка в ветхом платице.

Неспешно шла, как по ниточке, странным подпрыгивающим шагом.

Внимательно осмотрев изуродованное ружье и не найдя ни одной видимой причины для разрыва стволов, Карен перевел взгляд на девочку – ему стоило огромного труда сохранить внешнее спокойствие.

Спутанные черные волосы, тощая, нескладная фигурка, глазищи в пол-лица, костлявые плечики занавешены старинной шалью с бахромой; девочка как девочка, таких двенадцать на дюжину...

Именно из-за этой девочки хайль-баши Фаршедвард Алибей и приказал Карену поселиться на квартире у бабушки Бобовой; именно за этой девочкой висак-баши Рудаби должен был незаметно приглядывать, ни в коем случае не выдавая себя; именно эта девочка была на фотографии, которую Тот-еще-Фарш показывал Карену, только там шаль валялась у ее ног, тонкие руки-веточки в молящем жесте были вытянуты вперед, и на самом краю снимка смазанным пятном летело нечто мерцающее сизыми отблесками.

Карен смотрел на девочку, а та смотрела на взорвавшуюся

двустволку.

Так, наверное, глядят на раздавленного скорпиона.

...— Это моя правнучка, — сказала чуть позже бабушка Бобовой поднявшемуся на балкон Карену. И, подавшись вперед, крикнула девочке поверх перил: — Ну, чего стоишь?! Иди, с лозы листьев пообрывай, на долму-то...

Глава шестая

Хаким

*А мы давно не видим миражи,
Уверовав в удобных теплых
креслах
В непогрешимость мудрого
прогресса
И соловья по нотам разложив.*

Коридор был совершенно пуст. Рашид шел по блестящему, натертому мастикой паркету, едва подавляя мальчишеское желание разбежаться как следует и вихрем проехаться мимо окон. Но забава, естественная для вихрастого башибузука, предосудительна для почтенного хакима, – аль-Шинби только облизал языком отчего-то пересохшие губы и степенно двинулся дальше.

Не дойдя десяти шагов до учительской комнаты, на дермати́не дверей которой красовалась табличка из бронзы с надписью «Ар-хаким», он остановился в замешательстве: доносящаяся изнутри перепалка отнюдь не подразумевала вторжения постороннего, пусть даже и коллеги.

– Мне надоели ваши отговорки! Желающий сделать что-либо ищет способы, нежелающий – объяснения!

– Если почтенный хаким-эмир соблаговолит...

– Не соблаговолит! Почтенному хаким-эмиру надоело благоволить к бездельникам! Или вам неизвестно содержание второго тома «Звездного Канона» великого Абу-Рейхана Беруни?! На носу Ноуруз, семя весеннего равноденствия, месяц Фравардин, Солнце неуклонно близится к Овну, а вы все не можете разобраться с этой девчонкой! В течение недели, максимум двух – вам ясна моя мысль, уважаемые?!

– Клянусь! Приму меры! Разобьюсь в лепешку!

– Вот-вот! Непременно примите и разбейтесь... вернее, примите или разбейтесь. Госпожа Коушут, а вас я убедительно прошу сопровождать мягкотелого надима¹⁸ Исфизара и проследить, чтобы все прошло как надо! Я не расположен повторять сегодняшний разговор.

– Будет исполнено, господин хаким-эмир...

Табличка на двери содрогнулась, и из учительской комнаты поспешно вышли двое: государственный надим Исфизар, которого учащиеся давно прозвали Улиткины Рожки, и госпожа Зейри Коушут, сотрудница администрации мектеба с правом преподавания. Видимо, выговор самого хаким-эмира подействовал на обоих, как шпоры на оразмского скакуна: глаза разгорелись, ноздри порывисто трепетали, шаг превратился в чеканную поступь, и даже в рыхлом лице Улиткиных Рожек появилось что-то воинственное, не говоря уже о госпоже Коушут.

¹⁸ **Надим** – чиновник департамента образования, реже – культуры.

Это была презабавная парочка. Рашид посторонился, чтобы пропустить коллег, но те не обратили на него ни малейшего внимания. Пожалуй, встань аль-Шинби на дороге у Зейри Коушут и господина надима, они сшибли бы его с ног и прошли бы по уважаемому хакиму, не замедлив шага. «Странные мысли, однако, иногда лезут в голову, – подумал Рашид, провожая коллег взглядом. – «Звездный Канон» Беруни, том второй... Что ж, у всех свои странности!»

С его точки зрения, руководство мектеба было помещено на астрологии – возможно, именно поэтому мектебу было присвоено имя Омера Хаома, знаменитого звездочета при дворе хаффского Малик-шаха, прославившегося составлением календаря «Джалали» и преследованием известного поэта того времени Гиясаддина Абу-л-Фатха. За эти преследования хаффцы прозвали Омера не Хаомом, а Хайямом, от слова «хайя», что означает «гадюка». Но прошлое остается прошлым, каким бы варварским оно ни было, а настоящее – настоящим.

Каждому учащемуся «Звездного часа» составлялся отдельный общий гороскоп, отдельный солярный, таблица биоритмов, диаграмма глобальных и частных тенденций; обучение велось по обычной программе, но непременно с учетом тайного влияния звезд – если небо противилось на этой неделе постижению альмукабалы¹⁹, то семинары по дан-

¹⁹ **Альмукабала** – раздел математики; в первоначальном значении – сокращение разных слагаемых в разных частях равенства.

ному предмету переносились на следующую неделю и весь мектеб сосредоточивался на этике, химии и физкультуре. Большинство ординарных хакимов относились к астрологии более чем равнодушно; но внушительное жалованье позволяло смотреть сквозь пальцы на любые причуды начальства и стоически сносить неожиданные перестановки в расписании.

Надо отдать должное, в «Звездном часе» была отличная успеваемость. И вовсе не потому, что половину учащихся составляли дети известных особ или их близких родственников. Да, семьи таких учеников изрядно субсидировали мектеб, подкрепляя динары своим влиянием; но вторая половина школьников делилась, в свою очередь, пополам – талантливые ребята, разысканные администрацией не только в Дурбане, но и во многих других городах страны, а затем переманенные в мектеб, и те счастливы, чей жребий выпал в «Лотерее Двенадцати Домов». Последних брали, что называется, на полный пансион, невзирая на происхождение и достоинства.

Рашид вздохнул, выбросил из головы астрологию и специфику формирования контингента учащихся (ишь, завернул, учительшка!); собрался переждать, пока господин хаким-эмир покинет комнату через вторую дверь, и только потом зайти туда за фотоаппаратом, но, приблизясь к подоконнику, обнаружил у батареи небольшой глянцевый листок.

Фотоснимок.

Еще минуту назад его здесь не было – не иначе выпал у госпожи Коушут или надима Исфизара, когда те торопливо двигались прочь от грозной комнаты «ар-хаким».

Рашид наклонился и поднял фотографию.

На переднем плане была запечатлена девочка, которую уважаемый хаким не далее как час назад видел в дурбанском музее, в третьем зале. Худой смуглый подросток в ветхом платье, носатый, глазастый («Савсем тощий дэвочка!» – ухмыльнулся Рашид, неумело скопировав хакасский акцент), со странно неподвижным лицом. У ног девочки валялась старинная шаль с бахромой, тонкие руки тянулись вперед в молящем жесте, а у самого края снимка виднелось смазанное сизое пятно – что-то летело в неизвестность, за край кадра.

«...Солнце неуклонно близится к Овну, а вы все не можете разобраться с этой девчонкой!»

Что ж это за такой цветок Дурбана, которым интересуются все, вплоть до руководства мектеба?! Да и он сам, Рашид аль-Шинби, не исключение...

Пойти и отдать фотографию хаким-эмиру? Нет, еще раскричится, он и так не из приятных собеседников, а сейчас вдобавок гневается... Лучше, пожалуй, разыскать завтра госпожу Коушут и вернуть снимок ей. Мысль о реальном поводе заговорить с госпожой Коушут приятно ободрила Рашида. Он боялся признаться самому себе, что его тянет к Неистойой Зейри, но тянет не как мужчину к женщине, а

скорее как полюс магнита к противоположному полюсу. Он был историком, она – сотрудником администрации с правом преподавания и вела семинар по астрологии в старших классах; Рашид был застенчив и скромн, Неистовая Зейри все свободное время пропадала в школьном тире, обожая стрелять и умея это делать; Рашид за всю жизнь ни разу не ударил человека, госпожа Коушут три раза в неделю посещала тренировки школьных охранников – те занимали спортивный зал в свободные от уроков часы. При взгляде на Неистовую Зейри застарелые комплексы Рашида разгорались с новой силой, вынуждая искать встречи или хотя бы мимолетного разговора с ней.

Идея обратиться к психиатру совершенно не вдохновляла аль-Шинби – да и что он мог сказать врачу? Почтенный хабиб, меня тянет к моей коллеге? Я рыхлый и неуклюжий – вылечите, умоляю!

Увы, хаким-историк абсолютно не интересовал госпожу Коушут даже как собеседник: она была неизменно вежлива и равнодушна.

Лишь однажды она просидела вместе с Рашидом в давно облюбованной преподавателями кофейне около часа: это когда аль-Шинби за чашечкой кофе случайно заговорил о временах Смуты Маверранахра. Зейри Коушут, раскрыв рот, внимала рассказу о великих потрясениях и трагических переменах далекого прошлого, о взорванном Аламуте, Орлином Гнезде убийцы ас-Саббаха, о терроре оставшихся «птен-

цов», чьи ножи и яды успешно подрезали под корень древо правящей династии, и славный род эмиров Абу-Салим иссяк менее чем за полвека; об отравлении Чэна Анкора-Вэйского в далекой Шулме, о великой борьбе за бунчук власти между тысячником Джангар-багатуром, опекуном детей погибшего правителя, и западными нойонами-вольнодумцами – в результате степь была обильно полита кровью и засеяна костями, и еще в начале позапрошлого века нищей Шулме было окончательно отказано в присоединении к эмирату (хватало своих забот, чтобы взваливать на себя еще и чужие); об изобретении кименскими механиками ударно-спускового механизма, сменившего гаснущий от дождя и более громоздкий фитильный запал – в результате мушкетеры-наемники Кимены стали решающим доводом во многих затянувшихся спорах...

Он все рассказывал, историк аль-Шинби, толстеющий книжный червячок, все ковырялся в подгнившем яблоке прошлого, а госпожа Коушут внезапно потеряла к повествованию всякий интерес, зевнула и вскоре распрощалась.

Хай, пророк Зардушт-умница: каждому – свое?

Каждому.

Свое.

...Уединившись в учительской комнате, Рашид первым делом отыскал забытый портфель и, расчехлив фотоаппарат, убедился в том, что пленка закончилась. Впрочем, в отдель-

ном кармашке у него хранилась запасная; сменив кассету, каким уже собирался направить аппарат на стену и щелкнуть два-три профилактических кадра, как всегда поступал в подобных случаях, но неясный порыв остановил его руку.

Рашид достал из бокового кармана фотографию девчонки из музея и еще раз поглядел на нее.

Бросил снимок на стол, прикинул освещение и, наведя объектив на подобранный в коридоре листок, спустил затвор аппарата.

Как курок, подумалось хакиму.

Он улыбнулся, «передернул затвор» и трижды повторил процедуру.

Потом спрятал все, кроме фотографии нелепой девчонки, в портфель, со снимком в руке вышел в коридор – и сердце сбивчиво екнуло, хотя никаких особых причин не наблюдалось.

Просто навстречу Рашиду вразвалочку шел хайль-баши дурбанской полиции господин Фаршедвард Али-бей.

Племянник гиганта-мушерифа, младший сын погибшего в Малом Хакасе канаранга²⁰ Тургуна Али-бея, учился в шестом классе мектеба «Звездный час».

²⁰ **Канаранг** – начальник военного округа.

Пару месяцев назад (или больше?... хаким не помнил) Рашида обуяла беспричинная сонливость. Он только и делал, что прикрывал рот ладонью – челюсти раздирала необоримая зевота; встать утром по требовательному зову будильника было равносильно новому сотворению мира из подручных средств; и если раньше хаким не мог заснуть без таблетки-другой снотворного – возбужденный мозг отказывался расслабляться, – то сейчас...

Он стеснялся этого, он делал все, чтобы окружающие не обратили внимания на его зевающий рот, и поэтому лишь дней через десять заметил: он не одинок в поединке с коварной дремой. Зевали преподаватели мектеба, сладко потягивались ученики, на улице моргали воспаленными глазами дворники и мушерифы, водители трамваев клевали носами, дремали в приемных заждавшиеся посетители – и чиновники в кабинетах делали то же самое, подхватываясь в испуге и крича на дабиров²¹, выворачивающихся от зевоты наизнанку.

Всем хотелось спать.

Поговаривали о разбившихся самолетах и сошедших под откос поездах – пригревшийся пилот или погруженный в за-

²¹ **Дабир** – секретарь, делопроизводитель.

быть машинист не совладали с управлением. Светила медицины искали причину в накопившихся изменениях человеческого организма, обвиняя попеременно состав пищи, очистку питьевой воды и побочные явления употребления капель от насморка. Астрологи дружно кивали на число градусов возвышения и азимутальное число относительного дурбанского меридиана; им верили не больше, чем светилам медицинского небосклона, но резко вырос спрос на дешевые книжечки типа «Хочешь ведать свой конец – не забудь, что ты Телец!». Священнослужители валили все на разгулявшегося Иблиса и близкий Судный День: на дворе благополучно стоял пять тысяч девятьсот девяносто седьмой год от сотворения мира, и до шестого тысячелетия оставалось времени с гулькин нос, – а шайтан, как известно, радостно чихает от цифры «шесть».

Рашида не особо интересовали причины повальной сонливости. Мало ли... как объявилась, так и пройдет. Он был фаталистом, подобно большинству интеллигенции, и разве что однажды позволил себе заглянуть в лечебный центр мектеба за каким-нибудь возбуждающим снадобьем – завтра предстояла серьезная работа.

По дороге туда хаким черной завистью завидовал Неистойой Зейри, грозному хаким-эмиру «Звездного часа» и еще несколькими сотрудниками администрации – эти неизменно были бодры и подтянуты, что на общем дремлющем фоне выглядело особо подчеркнуто.

Получив трубочку с белыми, не внушающими доверия таблетками, аль-Шинби заболтался с симпатичной лекарихой, а когда та выбежала на минутку, машинально взял со столика лист с чьими-то анализами.

Старая привычка – когда нечего делать, начинаешь читать всякую чушь, подвернувшуюся под руку. Газеты, программу телепередач, инструкцию к электрочайнику...

Это были данные повторного анализа мочи шестиклассника Валиха Али-бея, сына погибшего канаранга Тургуна и племянника хайль-баши Фаршедварда.

В моче почтенный хаким понимал примерно столько же, сколько симпатичная лекариха – в Смуте Маверранахра (последнее слово дамочка наверняка считала особо изысканным ругательством!), и поэтому Рашид почти сразу собрался положить листок обратно, но его заинтересовала предпоследняя снизу строка.

Там было сказано, что, согласно анализу, транквилизатор имеет место пребывать в указанной норме, и назывался вышеупомянутый транквилизатор точно так же, как снотворное, весьма знакомое аль-Шинби. Иногда он глотал синенькие капсулы, когда не мог уснуть, – но это «иногда» в текущем месяце не соизволило наступить. И без того веки по вечерам кажутся неподъемными... Впрочем, нельзя сказать, что Рашид очень уж возбудился при виде загадочной строки в анализе – возбуждающие таблетки гораздо лучше справились с дремой, жаль лишь, что временно; но некий зану-

да-червячок пробежался по закоулкам сознания: в сонном мире обнаруживается двенадцатилетний мальчишка, которому приходится употреблять снотворное?!

Неспящий Красавец?

Бред какой-то...

Встретив через день дядю маленького Валиха Али-бея – господин хайль-баши нередко проводывал своего любимца, – Рашид уж совсем было вздумал поинтересоваться здоровьем ученика и загадочным транквилизатором... но после первых «саламов» речь сама собой зашла про успеваемость, потом про финансирование мектеба, а затем в коридоре показался их превосходительство хаким-эмир, и Фаршедвард Али-бей направился к нему.

Через восемь дней мир перестал зевать.

А Рашид аль-Шинби напрочь забыл про анализ маленького Валиха – и вспомнил только сейчас, стоя в пустом коридоре и здороваясь с господином Али-беем.

– Что это у вас, уважаемый хаким? – странным тоном проговорил огромный мушери́ф, останавливаясь рядом.

Рашид опустил глаза и воззрился на оброненный госпожой Коушут снимок.

– Да так... – смущенно пробормотал историк. – Просто фотография...

Не объяснять же господину хайль-баши, в самом деле, предысторию находки – в очевидные вещи люди верят туго,

еще решит, чего доброго, что уважаемый хаким увлекается юными девочками больше, нежели подобает работнику мектеба «Звездный час»!

Если шаль валяется у ног девчонки, возможно, на последующих снимках у ног станет валяться и все остальное?

– Разрешите? – Глянцевый листок птицей выпорхнул из пальцев Рашида, и Фаршедвард Али-бей принялся разглядывать изображенное на нем.

Круглое лицо хайль-баши озабоченно морщилось, реденькие бровки ползали у кромки коротко остриженной челки, и почему-то в ушах историка отдаленно прозвучали скрежет металла, ржание коней и грохот сшибающихся всадников.

– Замечательный кадр, – наконец прогудел хайль-баши. – Динамичный, образный, вдобавок это пятно у кромки... Не поделится ли почтенный хаким опытом: как ему удалось сделать такую потрясающую фотографию?

– Видите ли, – замялся Рашид, всеми фибрами души ощущая уют и беспокойство. – Как вам сказать...

Но Фаршедвард Али-бей, казалось, его не слышал.

– Замечательно, – бормотал он, вертя снимок то так, то эдак. – Прекрасно... не подарите ли вы мне ваш шедевр? Полагаю, у вас остались негативы? Я даже согласен заплатить – работа того стоит!

– Что вы! Заплатить? Я не...

– Ну и чудненько! Ас-салам, господин аль-Шинби, до

встречи!

Рашид тупо смотрел вслед удаляющемуся хайль-баши, проклинал свою застенчивость и понимал: десять минут назад рукой историка водила сама судьба, подсказав сделать несколько пробных копий с упорхнувшего снимка. Вернее, копий он еще не сделал, но – дай Творец, чтобы первые кадры не оказались засвеченными! – обязательно сделает, завтра или, в крайнем случае, послезавтра, после чего отдаст госпоже Коушут...

«Или вообще не отдавать? – внезапно подумал аль-Шинби. – Никто меня, поднимающего фотографию, не видел; этот жирный мушериф-фотолюбитель наверняка уверен, что я сам снимал дурацкую девчонку...»

Так и не решив до конца, что он будет делать, Рашид направился по коридору к лестнице, ведущей на первый этаж.

Ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что его только что обокрали.

Пустота гулко подсмеивалась над каждым шагом хакима.

Глава седьмая

Хабиб

*Что-то не так? —
но выключи свет.
Пусть темные мысли
приходят к тебе.
Сны о лгунах,
сны о войне,
сны о драконьем огне
и сны о тех тварях, что норовят
тебя укусить во сне.*

Он лежал на полу, лицом вверх, глядя в салатного цвета потолок, расписанный тонким витиеватым орнаментом. Кададь не знал, сколько прошло времени, сколько он пробыл... даже не в обмороке, а в каком-то сумеречном, нереальном забытии, в муторном НИЧТО без времени, без пространства, без жизни и смерти.

Голова не просто раскалывалась от боли — создавалось впечатление, что перезревший орех давным-давно раскололся от напора изнутри и теперь в дымящихся остатках мякоти копошатся злые красные муравьи, все глубже вгрызаясь в бугристую плоть.

Доктор Кададь терпеть не мог таблеток, но чутье ранено-

го животного подсказывало, что одним точечным массажем ему не обойтись. С немалым усилием встав на четвереньки, он добрался до ореховой тумбочки в углу комнаты, зубами вцепился в полумесяц медной ручки (оторвать от пола хотя бы ладонь было равносильно новому обмороку), выдвинул на себя верхний ящик, и, когда тот упал на ковер, он позволил и себе рухнуть рядом, после чего вслепую нашарил упаковку нейролгина.

Минут через двадцать полегчало. Экран Иблисова детища все еще злорадно светился, но содержащийся в нейролгине транквилизатор уже начал действовать, так что доктор, погрозив голубому квадрату кулаком и жадно допив остававшийся в бокале тоник, поплелся в спальню.

Уже выключая свет, он вдруг понял, что боится.

Боится спать.

Боится гостей, что могут прийти к нему во сне.

Но, когда изнеможение склонилось над кроватью и поцеловало его в лоб, страх отошел в сторону и уступил место сну.

* * *

Нет, он не хотел застрелиться, ему отнюдь не снилась скольльзящая по нарезам ствола пуля – но злой красный муравей, один из многих, всю ночь пытался добраться до него. Это доктор знал точно. Пытался, но не мог нащупать нуж-

ную дорогу своими усиками, словно вдруг ослеп, потерял чувствительность, или он, доктор Кадаль, стал для муравья невидимым. Насекомое было рядом, тельце цвета запекшейся крови неутомимо рыскало в беззвездной ночи, пытаясь прорвать завесу мрака или хотя бы просочиться сквозь нее – но тьма не ведала пощады.

А к утру муравья позвал муравейник.

Кадаль проснулся разбитым вдребезги, как уроненный на бетон фарфоровый чайничек, хотя головная боль практически прошла. Заставив себя сжевать бутерброд и выпив вместо одной две чашки крепчайшего кофе, доктор взялся за телефон.

– Равиль? Нам надо встретиться. Да, раскопал. Возможно, у меня попросту не все в порядке с головой, но это вряд ли... Говоришь, и раньше не в порядке было? Может быть... Это не телефонный разговор. Почему именно ты? Потому что мне больше не с кем посоветоваться! Да ни за кого я тебя не принимаю, но надо что-то делать! Хорошо, хорошо, ровно в три в «Розарии». Ас-салам.

Со дня их первой встречи Равиль совершенно не изменился: дородный, бородатый, громогласный вулкан, вечно окутанный клубами сигарного дыма и засыпающий все вокруг равномерным слоем пепла – при этом каким-то чудом ухитряясь не запачкать собственный костюм. При виде атабека доктору сразу полегчало: от ар-Рави исходила такая энергия,

такая аура плотской материальности, что в его присутствии все мрачные кошмары развеивались сами собой.

«Шизофреникам надо его показывать, – подумалось ни с того ни с сего. – Трижды в день, после еды. Мигом вылечатся. Вот и мне уже лучше...»

– Ну, докладывай, знахарек! – прогудел Равиль, огрев Кадаля ладонью по плечу и плюхаясь в кресло напротив.

– Для начала – закажи что-нибудь выпить.

– Ты же не пьешь! – искренне изумился Равиль, неоднократно пытавшийся в прошлом совратить доктора на адюльтер с рюмочкой.

– С этого дня – пью.

– Вах, праздник, пир горой! – обрадовался «горный орел», щелкая пальцами на весь «Розарий». – Вина! Лучшего в мире вина мне и моему другу! Ширазского мускателя!

– Пусть принесут коньяк. Помнишь, ты еще говорил, какой лучше... а, вспомнил – «Старый Кабир».

– Ого! Ну ладно, коньяк так коньяк, тоже дело хорошее. Присоединяюсь.

После первой рюмки Кадаля некоторое время сидел, прислушиваясь к новым ощущениям, снова наполнил крохотную хрустальную емкость и только тогда заговорил:

– Даже не знаю, с чего начать, Равиль... Ты ведь в курсе, как я работаю? Вкратце: беру фото, смотрю и... и лечу. Нет, я не способен прочесть мысли клиента, не раскатывай свою волосатую губу, но я чувствую фобии, что его угнета-

ют, ощущаю их, как собственные недуги, как больную печень или язву желудка, я хочу выздоровления – и оно приходит. Вот... вот и все.

Равиль согласно кивнул – Кададь уже когда-то рассказывал ему об этом – и стряхнул пепел в стаканчик с бумажными салфетками, хотя рядом стояла нетронутая перламутровая раковинка.

– Короче, вчера я случайно влез в голову к одному человеку.

– К кому? – подался вперед ар-Рави, и влажные глаза шейха на мгновение сузились.

– Ты уже понял, к кому. К Узиэлю ит-Сафеду, главе совета директоров «Масуда».

– Ты с ума сошел! – выдохнул Равиль, и доктору на мгновение показалось, что случилось невероятное: его друг и атабек напуган.

– Я ЧУТЬ не сошел с ума. Ит-Сафед... не человек, Равиль! Он только притворяется человеком! Он... он чужд нам больше, чем жужелица, чем дождевой червь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.